

Наталья Владимировна Резанова
У принцессы век недолог
Серия «Принцесса», книга 3

<http://www.fenzin.org>; Распознавание и вычитка – Alex977

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156586

У принцессы век недолог: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ; М.; 2007

ISBN 978-5-17-040184-0, 978-5-9713-4700-2, 978-5-9762-1591-7

Аннотация

Судьба сказочкой принцессы трудна – а порою чревата и реальными проблемами!

Хотелось независимости? Пожалуйста!

А вот как теперь заработать на жизнь?

Одно и остается – стать специальным агентом в маленьком захолустном королевстве, премьер-министру которого, трусу и параноику, на каждом углу мерещатся заговоры и тайные общества.

Непыльная работка? Как бы не так! Вместо элегантных придворных интриг – столкновения с загадочной синеволосой «фам фаталь», утратившей, при самых загадочных обстоятельствах, десяток мужей.

Вместо изысканных аристократов-заговорщиков – вульгарная нечистая сила, оккупировавшая задворки королевства.

Вампиры. Оборотни. Вообще – сплошные неприятности!

Однако плоха та принцесса, которая не умеет оборачивать неприятности себе, любимой, на пользу.

Рецензию на книгу читайте [[url=http://www.mirf.ru/Reviews/print2107.html](http://www.mirf.ru/Reviews/print2107.html)]/здесь[/url].

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ГЛАМУРНАЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Резанова

У принцессы век недолог

Моим друзьям

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ГЛАМУРНАЯ ГОД СИВОЙ КОБЫЛЫ

*Вот было у крестьянина три сына,
Все трое дураки, что характерно,
Атос, Портос и младший – Буратино,
Принцессу встретили, и кончилось все скверно*

Тимур Шаов

- А я говорю – на Запад!
- А я говорю – в другую сторону!
- А я говорю – сыт я твоим Востоком по горло!
- Он такой же твой, как и мой!

Милая, счастливая семейная жизнь со всеми ее неотъемлемыми особенностями. Старый Твердыня, обмахивавший тряпкою стойку, даже не повернул головы в нашу сторону. Привык. Уже которую неделю мы торчали в Волкодавле, и ровно столько же времени спорили о том, куда нам податься дальше.

Не то чтобы нас кто-то гнал из Волкодавли, и из Поволчья вообще. Совсем наоборот. И вовсе не потому, что наша экспедиция увенчалась неудачей.

Идея отправиться на поиски жар-птицы, каковую непременно желал заполучить Иван Недееспособный, престарелый поволчанский царь, принадлежала мне. Причин тому было несколько. Во-первых, нам с Гверном решительно нечего было делать, во-вторых, мы в свое время так и не совершили свадебного путешествия. И в-третьих, но не в-последних, нужно было подзаработать денег. Кроме того, все легенды о жар-птице сходились на том, что искать ее нужно на Ближнедалнем Востоке, а мы на тот момент, когда закончилось очередное приключение, и так уже там находились.

Однако Ближнедалний Восток велик, а историй о волшебных птицах там ходит в изрядных количествах. Мы постарались припомнить их на предмет поиска полезной информации. Легенду о Железном Фениксе отбросили с порога – кому-кому, а мне было известно, что Страж-птица ныне покоится на дне озера Дахук-Кардаль. Птица Обломинго и почитаемая в Ералашаиме голубка Мирра нам не подходили по тактико-техническим характеристикам. Преподобный Читтадритта, у которого мы гостили, в порядке духовного окормления поведал нам притчу о двух женах бога Дуремудры – Порвати и Разорвати. Одна из них пожелала иметь тысячу сыновей, которые, не марая ручек, всегда имели бы что поесть и выпить. Другая же предпочла родить одного сына, который бы превосходил силою тысячу предыдущих. И вот Порвати произвела на свет тысячу пиявиц ненасытных, сосавших кровушку у всего, что шевелится. И опустошили они бассейн реки Хавиры, и люди вынуждены были покинуть его. Но тут Разорвати произвела на свет волшебную птицу Гируду. И сей птиц Гируда изничтожил своих кровососущих братьев.

Гверн настаивал на том, что Гируда и есть искомая жар-птица. В доказательство правоты он мог привести лишь то, что Гируда своих братьев, по всей вероятности, съел, а

жареные пиявки в некоторых странах почитаются деликатесом. А без жара как же их зажарить?

Мы решили проверить эту версию и, сподобившись благословения отца-настоятеля, покинули гостеприимный Монастырь Невидимых Миру Слез и спустились с Балалайских гор. Путь наш лежал в окруженную джунглями долину реки Хавиры.

Оказалось, что это была большая ошибка. Нет, долину-то мы нашли. Нашли также и Гируду. Но этот птиц оказался кровопивцем похлеще своих пиявочных братьев, поскольку был размером со средней величины дракона и рожден был летать, а не ползать. Люди, понимавшие, что от Гируды просто так не удрать, без особой надобности в долину не совались и как-то научились с Гирудой сосуществовать, загоняя в долину крупный рогатый скот. Падали Гируда не жрал принципиально, предпочитая хоть изредка попить свежей крови. Мы от него еле отбились, и как раз факелами – эта тварь огня на дух не переносила. Так что жар-птицей быть никак не могла.

Не были искомыми также птицы Рух и Чорновил, свившие гнезда на склонах западного берега Хавиры. Орали они весьма зажигательно, но этим все ограничилось.

В конце концов, жар-птица все же обнаружилась – в небольшом эмирате Топчи-Майдан, неподалеку от Радужного моря. Откуда добыл ее эмир, никто уже не помнил. Достоверно известно было одно: решившись взглянуть на свое приобретение, эмир Топчи-Майдана ослеп. Но не огорчился, а наоборот, успокоился. Ибо понял, что каждый, кто осмелится похитить его сокровище, также утратит зрение навеки.

Жар-птица обитала в особой башне, пристроенной ко дворцу эмира. Кормили ее и чистили за ней клетку специально обученные слепые слуги. Стража в башни не совалась, боясь за свет своих очей.

Что мне всегда нравилось на Ближневосточном Востоке – так это консервативность и приверженность традициям. Если б они там свои научные достижения вздумали широко применять на практике, ужас что получилось бы. А так – все спокойно, всем хорошо, кроме тех, кто ослеп, конечно.

Поэтому, когда я разыскала в Топчи-Майдане чифаньского алхимика и заказала у него две пары темных очков и светонепроницаемый колпак, он принял заказ, не озабочившись любопытствовать, зачем мне это надо.

Так что изъятие жар-птицы из башни произошло без жертв и производственного травматизма. Стражники, подхихикивая, сами пропустили нас, привыкши, что горячая пернатая сама себя защищает. А когда мы вышли в очках и с неколпаченной клеткой, шустро разбежались.

К моему глубочайшему удивлению, погони за нами не было. Обсудив это обстоятельство, мы с Гверном пришли к выводу, что эмиру просто не сообщили о похищении жар-птицы. Слугам и стражникам не хотелось терять непыльную работу с приличным жалованьем, а верховная власть была слепа не только в переносном смысле слова.

В ближайшем порту мы погрузились на пиратскую баркентину «Неуловимый Джо» (с капитаном у нас нашлись общие знакомые), которая и доставила нас к дельте великой реки Волк. А дальше пришлось добираться своим ходом – вплоть до Волкодавля.

На первый взгляд, в столице Поволчья ничего не изменилось. Царем был по-прежнему Иван Недееспособный, правил от его имени регент, Иван-Царевич, он же Дурак. К нему и направился Гверн с жар-птицей.

Я во дворец не пошла. Вовсе не потому, что с супругой регента, Миленой Немой, мы встречались при несколько компрометирующих ее обстоятельствах и она захотела бы избавиться от нежелательной свидетельницы. Царевна Милена была из тех дам, что и собственного мужа помнят с трудом, а посторонних людей она вообще в лицо не запоминала.

Причина была иной. Как я давно заметила, любое предприятие, свершенное с участием женщин, оценивается гораздо ниже, чем чисто мужское. Вот я и отправила Гверна договариваться с регентом по-мужски. А самолюбие... пустынный демон Ишак-Мамэ с ним, лишь бы денег заплатили...

И тут нас постигло горчайшее разочарование. Нет, жар-птицу у Гверна приняли с благодарностью. Заодно реквизировали и очки с колпаком, на котором поставили печать «Собственность армии Поволчья», и снесли птичку в арсенал.

Но вот в деньгах благодарность не выразилась. Нет, Иван-Царевич не был полным мерзавцем. Но Дурак в очередной раз доказал, что он хитрец и вообще личность скользкая. Он предложил Гверну титул в качестве моральной компенсации. А Гверн возьми и брякни в ответ, что, как есть он принц, хотя и не наследный, всякий титул, кроме королевского, понижит его статус. (Ну, предположим, я-то наследная принцесса, и для меня стал бы оскорблением титул ниже императорского, но я же не ору об этом на каждом перекрестке?) Иван-Царевич, не моргнув, ответил, что нет титула выше звания гражданина, и потому он жалует Гверна с супругою почетным гражданством Волкодавля. Грамоты, заверяющие сие, будут вручены нам в ближайшее время.

И ведь не солгал. Вручили нам эти грамоты, красивые такие, с подписями и печатями. И это все.

Оно, конечно, в некоторых ситуациях не так уж плохо. Полезно бывает иметь документ, удостоверяющий твою личность. Но благодаря этим красивым грамоткам мы стали гражданами. А Поволчье находилось в состоянии вялотекущей гражданской войны.

Собственно, о том, что здесь началась смута, я знала еще до похода за жар-птицей. А поскольку злой волшебник Дубдуб, мутивший воду в Ойойкумене, хотя и с большим опозданием, но все же дал дуба, я надеялась, что к нашему возвращению как-нибудь все рассосется.

Не тут-то было.

Собственно, на первый взгляд в Волкодавле ничто не изменилось. Шумел Гнилой Базар, над улицами плыл малиновый звон с колокольной храма Ядреной Матери, в садах при городских усадьбах боярышни пили под яблонями чай с липовым медом. Беспорядки имели место быть на окраине царства, в Заволчье. Я об этом уже слышала, теперь узнала подробности.

Смута имела причину самую худшую из возможных – религиозную. Ересь пророка Траханеота, противопоставлявшего Великой богине Матери никому не понятную Матрицу, начала распространяться еще во время моего предыдущего визита в Волкодавль. Но тогда все ограничивалось обычным кабацким мордобоем. Но затем жречество обратилось с жалобой на мятежного пророка к регенту. А тот поручил дело охранному воеводе, ведающему порядком в граде Волкодавле, – за вредность характера тот получил прозвище Волчья Ягода. Воевода приказал схватить и заточить святого Траханеота, а чтоб не превращать его в мученика путем публичной казни – уморить голодом в подземелье.

Но пророк оказался на редкость живуч. Его здоровье, вдали от ежевечерних мордобитий, в темнице даже улучшилось. Как показали дальнейшие события, ему удалось обратить в свою веру охранников. Они не только снабжали пророка едой и питьем, но и выносили из темницы письма Траханеота к его единомышленникам. Письма они прятали от начальства в подметках сапог, отчего те впоследствии получили название «подметных».

Пока пророк был на свободе, проповедям его никто, кроме волкодавльского священства, не придавал особого значения. Но едва пророк оказался в заточении, а учение приобрело статус запретного, подметные письма, несмотря на свою невразумительность, возымели успех необыкновенный. Такова загадочная поволчанская душа. Начались вооруженные стычки, Волчья Ягода вывел охранных молодцев из казарм. После уличных боев потрепанные еретики переправились через Волк и укрылись в дремучих лесах Заволчья.

Иван-Царевич пришел в ярость. Он лично провел следствие, пророка поместил в такую камеру, где тот не имел возможности общаться с тюремщиками (правда, и решение о голодной казни отменил, поскольку история, благодаря подметным письмам, получила огласку). Воевода Волчья Ягода за проявленную преступную халатность был обезглавлен. А борьбу с мятежниками регент препоручил объявившемуся в Волкодавле графу Бану, бывшему Великому Магистру уничтоженного императором ордена гидрантов.

В подборе кадров Иван-Дурак не проявил дальновидности. Граф Бан был предан новому сюзерену, но в местной специфике не слишком разбирался. Кроме того, всякому понятно: в заволчанских лесах правильные боевые действия вести невозможно. Сидя в своем имении Братки, граф-воевода заскучал и отправился за жар-птицей, в каковом странствии мы с ним и встретились. После неудачи в монастыре Невидимых Миру Слез граф-воевода вернулся в Заволчье, прихватив с собой наших прежних компаньонов, опальных контрразведчиков из Великого Суржика и Суверенного Оркостана. И обнаружил, что еретики не только не рассосались в его отсутствие, но каким-то образом объединились и даже учредили в деревне Худой Конец собственную альтернативную столицу, провозгласив ее Найденным градом Кипежем, который безуспешно искали предшествующие поколения. В настоящее время воевода Бан и еретики совершали вылазки друг против друга (то есть враг против врага) и конца – ни худого, ни любого иного этому не предвиделось. Хуже того, пошли разговоры о том, что Заволчье и Поволчье – это, мол, разные страны, и пора отпасть Заволчью из-под власти Иванов Родства-не-Помнящих, благо своя столица и своя религия уже есть. (В Заволчье, вообще-то, до прихода еретиков поклонялись богине Халяве, но кто же обращает внимание на мнение местных жителей?)

Эти взгляды развивались в импортированном контрабандой из Союза Торговых Городов революционном памфлете «Шаг вперед и два назад» знаменитого нездесийского полемиста Губтрамота. Волкодавльский двор, разумеется, незамедлительно откликнулся сочинением преподобного Пихония, жреца Ядреной Матери, «Убить быдло». Но, хоть оно и снискало успех в определенных кругах, умиротворению нравов это не способствовало. Сторонники Матрицы всерьез грозились революцией.

Ближайшие соседи – Суржик и Оркостан – не воспользовались этой ситуацией только потому, что там довели свои заботы. В Суржике в очередной раз меняли гетьмана, а Верховный Бабай Оркостана в очередной раз менял состав своего орккомитета.

Итак, гражданская война продолжалась, и нас вполне могли призвать и поставить в ряды. Тем более что в Волкодавле было кому напомнить регенту о нашем существовании. Есаул Ласкавый, правда, был отправлен Иваном-Царевичем с какой-то миссией в Гонорию, благо в совершенстве знал тамошний язык. А вот орк Кирдык сделал изрядную карьеру. Покинув Заволчье (и то: тяжело уроженцу степей в лесах), он сменил Волчью Ягоду на посту охранного воеводы. Я несколько раз видела его, когда он проезжал по улицам, не сомневаюсь, что рысьи глаза орка тоже меня заметили, да и Гверна он знал в лицо.

Ну вот. А я гражданских войн не люблю по определению, и стараюсь в них не участвовать. Когда меня законного престола лишили, я предпочла свалить подальше из родной страны, лишь бы не развязывать гражданскую смуту. К поволчанам я испытывала искреннюю симпатию, но к заволчанам – тоже. А согласно заветам моей веры – пофигизма – мне было едино, что Великая, Ядреная и Вездесущая Мать, что Матрица, что Халява. Нет, нужно было покидать гостеприимный Волкодавль и искать удачи в другом месте.

Это был тот редкий случай, когда супруг был со мной согласен, хоть и ворчал, будто все мои рассуждения есть следствие дамских капризов. А вот насчет того, куда именно податься, мы к согласию прийти не могли.

Потому мы сидели в «Белке и свистке», благо кредит еще не был исчерпан, и спорили, обсуждая возможное направление похода. Гверн настаивал на том, чтобы вернуться на

старый проверенный Запад. У меня эта идея восторга не вызывала. Почему бы, например, не отправиться на остров Флеш-Рояль? Говорят, очень перспективное место. Но Гверн был категорически против. Не потому, что в принципе отрицал пиратство, центром коего Флеш-Рояль считался. Просто рыцари обычно в моряки не идут – не тот вид транспорта.

– Может, тебе еще в Заморскую Олигархию плыть охота? – ядовито вопрошал он.

В Заморскую Олигархию плыть у меня никакой охоты не было. Там вполне могли вызнать, кто повинен в гибели лучшего броненосца военно-морских сил Олигархии «Медный таз». И, хотя по заморским законам редко казнят смертью, пара тысяч лет строгого заключения, по тому же законодательству, была вполне вероятна.

– Отчего же непременно в Заморскую Олигархию? Ты б еще Заокраинный Запад помянул. Что, в Ойойкумене и земель больше не осталось? Вон у нас целый Прожаренный континент не освоен... Кстати... Эй, Твердыня, опять мясо не прожарил!

– Тоже мне, первопроходица! Думаешь, раз мотаешься, как челнок, между Второримской империей и Ближнедальним Востоком, то везде бывала и все видела? Между тем, в закатной стороне немало государств, где не ступала твоя нога! Была ли ты в Кабальерре, этом краю непуганых донов? Или в – Монстердаме Многоканальном, где дурман-траву продают столь же открыто, как пиво? Ты бы хоть Пивной залив попробовала объехать! Вот куда просвещение нужно нести огнем и мечом! Чего стоит один Овин, убогие жители которого поклоняются безобразному идолу Вайревики... – его аж передернуло от отвращения.

Я не преминула воспользоваться паузой.

– Во-первых, от челнока слышу. Во-вторых, тоже мне, приют для приличного человека – страны Пивного залива. Ты бы еще Бухано-Трескав вспомнил. И Сильватрансу, за ним лежащую.

– А, Сильватранса! – Твердыня возник у стола. – Был я там однажды, когда вино закупал...

– И как?

– Ничо так, готично...

Я с сомнением посмотрела на бутылку в руках трактирщика. С предубеждением я относилась к Бухано-Трескаву именно по причине того, что тамошний господарь, отец царевны Милены, буквально залил земли Поволчья вином низкого качества. Но Твердыня заверил меня, что в бутылке отнюдь не бухано-трескавское, но контрабандное вино из Кабальерры. Нынешняя смута способствовала доставке контрабандных товаров в Волкодавль.

Вопреки моим сомнениям, вино оказалось изготовлено не в Нездесе, откуда сия «контрабанда» в основном и поступает, и не в Гонории, где, на потребу простодушным поволчанам производятся товары под маркой «Шерамур», «Кабальерра», «Гран-Ботфорте». Оно было действительно из Кабальерры. Испив, я помягчала душой, и мне даже расхотелось препираться с Гверном.

– Вот ты меня попрекаешь за то, что я бываю на Востоке. А между прочим, сегодня ночью по восточному календарю наступает Новый год. Год Сивой Кобылы.

– Шутишь?

– Нисколько. У них там каждый год посвящен какой-нибудь скотине с особыми свойствами. Ну, там, Бешеной Коровы, Залетного Сокола, Подколотной Змеи. А этот вот – Сивой Кобылы.

– А что это значит?

– Никогда не интересовалась. Я, знаешь ли, пофигистка. Главное – праздник.

– Праздник так праздник, – примирительно сказал Гверн. – Выпьем за Новый год.

– За Новый год!

Мы чокнулись. В этот же миг колокол на башне храма Ядреной Матери начал бить полночь. С последним ударом дверь «Белки и свистка» распахнулась и на пороге появилась фигура в черном плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо.

– Опять... – пробормотал Твердыня, пытаясь укрыться за нашими спинами. – Не иначе, он вернулся.

– Кто?

– Священник шерамурский... по одежке же видно!

Плащ вошедшего и впрямь напоминал одеяние шерамурских священнослужителей.

– Ну и что? Здесь Волкодавль, Благого Сыска бояться нечего...

– А то... До меня тут к прежнему хозяину приходил такой черноризец. Камешек ему вручил яхонтовый, вроде в награду за что-то. А хозяин пригляделся – и видит: камешек-то фальшивый! Кликнул слуг, схватили они черноризца, в мешок да в Волк! А утопленник повадился являться. Каждую ночь стучится – то у окна, то у ворот. Вроде бы упокоился призрак, когда заведение продали, а теперь снова явился!

– Какой еще призрак? – возмутилась я. – Видела я призраков, целыми толпами. Они тени не отбрасывают. А у этого вон какая здоровенная!

Действительно, черная тень вошедшего отчетливо пролегла на замусоренном полу.

Посетитель откинул капюшон с лица. Лицу принадлежали: клочковатые брови, глаза, некогда темные, а теперь изрядно выцветшие, нос, который тщился повторить форму клюва, стиснутые губы и сжатый подбородок.

– Это отель «Белка и свисток»?

Пришелец говорил по-имперски, но с акцентом.

– Да, сударь, – отвечал Твердыня, обучившийся от постояльцев чуть ли не всем бытующим в Ойойкумене языкам.

Черноризец перевел внимательный взгляд от владельца заведения в нашу сторону.

– В таком случае, полагаю, что дама, сидящая здесь, именовала себя Этель, а также Конни и Присси, и одно время была связана с орденом гидрантов.

– Да, а что?

Мне этот вопрос совсем не понравился. Но отрицать очевидное я не собиралась. Если передо мной имперский агент, преследующий опальных гидрантов по всему миру, здесь его ждет жесточайший облом. Вот тут-то мне и пригодится поволчанское гражданство! Иваны своих под чужую юрисдикцию не выдают.

Но следующий вопрос был не таким, как я ожидала.

– В таком случае, мужчина, которого я вижу рядом с вами, – господин Гверн, не так ли?

– Верно. – Мой муж поднялся с места. – С кем имею честь?

Тон у него был самый угрожающий. Военная жизнь отучила его от излишней почтительности по отношению к священнослужителям.

Я несколько встревожилась. Гверн, в отличие от меня, никакого касательства к гидрантам не имел. От него-то что имперскому правосудию надо?

– Я – отец Батискаф, смиренный служитель ордена Святого Квадрата.

Это уже вообще ни в какие ворота не лезло. Святой Квадрат, насколько мне было известно, был покровителем Парлевы, столицы Шерамура.

– Предвидя ваш следующий вопрос, – продолжал священнослужитель, – скажу сразу: о вашем пребывании в Волкодавле мне сообщил доктор Халигали, ныне – преподаватель университета Парлевы. А тот, в свою очередь, узнал об этом от графа Бана, экс-магистра гидрантов.

С одной стороны, это объяснение выглядело правдоподобно. С доктором Халигали, бывшим научным консультантом ордена, мы находились в приятельских отношениях. От

графа Бана я знала, что доктор сейчас в Парлеве и они состоят в переписке. Кроме того, граф-воевода успел свести знакомство с Гверном, и мог поведать о нем доктору.

С другой стороны – мы слишком недавно вернулись в Волкодавль. Если даже доктор использовал какие-то магические средства связи, чтоб узнать об этом, у монаха все равно не хватило бы времени, чтоб добраться от Шерамура до Поволчья.

Решительно, без бутылки тут разобраться было невозможно.

– В таком случае, святой отец, прошу за стол. Твердыня, еще вина.

На сей раз на стол было выставлено обычное бухано-трескавское, из чего я сделала заключение, что новый посетитель симпатии у Твердыни не вызвал.

– Орден Святого Квadrата имеет какое-нибудь отношение к Благому Сыску? – с подозрением спросил Гверн.

– Нет. Благой Сыск состоит в ведении ордена Святого Рогатуса. А братья нашего ордена по мере своих слабых сил помогают нашему главе... Старшему Брату, епископу Сомелье, волею короля недавно ставшему первым министром.

– Вот как? – У меня появились первые смутные догадки. – Мы долго были в отсутствии и не осведомлены о ситуации в Шерамуре. Но мне казалось, что после разгрома мятежа маршала Мордальона там все благополучно.

– В общих чертах – да. Кстати, вы владеете шерамурским?

– Да, – этому языку я научилась еще в МГБ, а в академии его усовершенствовала.

Гверн также кивнул.

Дальнейшая беседа продолжалась на шерамурском.

– Как вам наверняка известно, поражение мятежного маршала принесло прекрасному Шерамуру несколько лет спокойствия. Благодаря этому наш возлюбленный король Мезанфан сумел с помощью Старшего Брата Сомелье укрепить границы, отстроить пострадавшие от мятежа города, а также начать ряд реформ, способствующих укреплению промышленности, торговли, просвещению и общему процветанию королевства.

– Звучит неплохо.

– Уверяю вас, выглядит еще лучше. Увы, реформы Старшего Брата не всем по нраву...

– Ну, святой отец, так не бывает, чтоб реформы всем приходились по нраву.

– Верно, – монах в задумчивости повертел в руках кружку с бухано-трескавским, понюхал ее содержимое, но пить не стал. – Однако одним они не по нраву более, чем другим. Особенно не нравится им возвышение Старшего Брата Сомелье. Ведь, вступив в должность премьер-министра, он получил дополнительные полномочия.

– И насколько не нравится? – спросила я.

– Настолько, – ровным голосом отвечал монах, – что они, предположительно, готовят иностранную интервенцию. Может, из Второримской империи, может, из Кабальерры, а может, из обеих.

– Зачем вы нам это рассказываете, святой отец? Ведь это, должно быть, государственная тайна.

– О, в Шерамуре все тайна и ничто не секрет. Подобные слухи были и будут всегда. Но слухи к делу не пришьешь. А без доказательств предъявлять обвинения шерамурским дворянам не может даже такой великий государственный муж, как Сомелье.

– А он и в самом деле велик?

– Без сомнений. В частности, он покровительствует ученым, в других странах подвергающимся гонениям.

– Ясно. Халигали наболтал.

– Да. Почтеннейший доктор поведал нам, сколь блестяще вы проявили себя при облачении мага-ренегата. То, что после этого вы вышли замуж, даже к лучшему. Практика доказывает, что наиболее высококвалифицированные агенты удачнее всего работают в паре.

– Так вы, что же, нам шпионить предлагаете? – встрепенулся Гверн. – Это оскорбительно!

– Да! – подхватила я, одновременно пнув Гверна под стол. – Это оскорбительно – делать такие предложения, не обговорив предварительных условий!

– Но это займет много времени.

– Тогда предлагаю перенести этот разговор на завтра... то есть на сегодня, но на более позднее время. Вы устали с дороги, а нам требуется обдумать ваши слова.

– Хорошо. Надеюсь, в этом отеле есть свободная комната? – последние слова отец Батискаф вновь произнес по-имперски. Между прочим, напрасно старался – Твердыня понимал по-шерамурски не хуже меня. Просто предыдущим содержанием беседы не интересовался. Или делал вид.

Каково бы ни было его отношение к черноризцу, это не должно было повлиять на выручку. Твердыня тут же посулил монаху самое лучшее жилье (по правде, ни лучших, ни худших в «Белке и свистке» не было, все они примерно одинаковы), а мы побрели наверх.

– Ты же мне чуть ногу не сломала! – зарычал Гверн, едва я закрыла дверь комнаты. – И ты впрямь собираешься согласиться на его предложение?

– А что такого? Мы собирались уезжать. И деньги у нас кончаются. Если у нас будет оплаченный контакт, не вижу смысла отказываться.

– Но шпионить... это низко. Это грязно.

– Вот именно. Шпионаж – работа низкая и грязная. Поэтому шпионами бывают только простолудины. Ты слышал хоть раз, чтоб принца назвали шпионом?

– Нет. Принц не может быть шпионом.

– В самую точку. Ты у нас кто? Принц. А я – принцесса. А принцы и принцессы шпионами быть не могут. Сказал мудрец – мир ему! – «короли не ржут, они милостиво улыбаются». А принцы не шпионят, они снисходительно наблюдают.

– Ну... предположим. Но тебе все равно нельзя ехать в Шерамур.

– С чего ты взял? Это ты участвовал в шерамурских войнах.

– Да, но я-то как раз воевал за Шерамур. А ты была у гидрантов, которые воевали против.

– Вот что значит политическая неподкованность! Гидранты сражались не с королевским войском, а с мятежником Мордальоном. Орден, кстати, потом и разогнали аккурат по обвинению в пособничестве Шерамуру. Обвинение было ложным, но сейчас оно нам даже на руку.

Исчерпав все доводы против, Гверн заявил, что хочет спать. Тут я с ним не стала спорить. Утомительный выдался вечер. И довольно сумбурный.

Должно быть, мы слишком усердно праздновали наступление года Сивой Кобылы, потому что с утра мне казалось, что явление черного монаха в зале «Белки и свистка» мне приснились. И я со спокойным сердцем направилась умываться. В «Белке и свистке» с этим было просто. На заднем дворе имелся колодец. Постояльцы, желавшие соблюдать чистоту, брали воду там, остальные могли обходиться как хотели. Если умывания не доставало, можно было искупаться в Волке, или посетить бани, коих в Волкодавле было предостаточно.

Я зачерпнула воды, с удовольствием умылась из ведра, а остатки воды вылила себе на голову. Снова добыла воды и перелила ее в кувшин, чтобы отнести Гверну, который еще дрех. И тут заметила во дворе знакомую черную фигуру.

На лице отца Батискафа, наблюдавшего за моим утренним туалетом, читалось некое сомнение.

– И часто вы так? – спросил он.

– Вы о чем?

– Водой обливаются.

– Каждый день. Если вода есть, конечно.

– Среди шерамурских дворян частое мытье считается неэлегантным. Впрочем... – морщины на его лбу разгладились, – вам и не придется выдавать себя за шерамурских дворян. Независимо от того, какой вы дадите ответ.

– Вот что, святой отец. Здесь неподходящее место для серьезных разговоров. Да и на пустой желудок как-то нехорошо... Я снесу воду мужу, а вы закажите завтрак, ладно?

К тому времени, когда мы спустились в зал, там уже начали собираться посетители. Конечно, не в том количестве, как по вечерам. Сейчас здесь не было тех, кто стремился в «Белку и свисток» надраться и подраться. Служительницы Ядреной Фени, местной богини любви, в красных сарафанах со множеством побрякушек, тоже отсутствовали. Только бродячий певец, из тех, что во всех странах одинаковы, бряцал по струнам, надеясь, что сытые клиенты будут щедрее.

Кухня «Белки и свистка» не особо изошрялась по утрам. Нам принесли вареной речной рыбы, тертой редьки и грушевого кваса. Мы с Гверном к этим блюдам уже привыкли, а вот шерамурец ел без энтузиазма – то ли пища была для него тяжела, то ли постился.

– Вчера вы спросили меня, – сказал он, деликатно отставив глиняную миску с редькой, – на каких условиях я предлагаю вам работу. Вот, – он извлек из рукава клочок пергамента, – сумма, лежащая в Магическом банке Голдмана. В случае согласия я назову вам номер счета. Будете в Нездесе – проверите и получите аванс. В случае удачного выполнения задания эта сумма автоматически удваивается.

Я посчитала. Броненосец, наподобие заморских, на эти деньги построить было нельзя, а вот кавалерийский полк снарядить – вполне.

Я пристально посмотрела на монаха. Если он имел дело с МГБ, то, возможно, знает обо мне больше, чем способны рассказать Халигали и граф Бан вместе взятые. Впрочем, в файлах МГБ содержится далеко не все...

Кроме того, это заявление проясняло, каким образом отец Батискаф сумел так быстро добраться в эти края из Шерамура.

– Вы воспользовались порталом МГБ в Нездесе?

– Орден квадратистов имеет с Магическим банком Голдмана давние и прочные связи, – отвечал он уклончиво. Однако ответ этот можно было расценить как положительный.

– Мне нравится подход братьев-квадратистов к делу, святой отец. Но прежде чем мы придем к соглашению, не расскажете ли вы о задании, хотя бы в общих чертах? И зачем вам понадобились иностранцы? Шерамурские дворяне, как я слышала, – истинные мастера интриги.

– Верно. Но Старшему Брату нужны не интриганы, меняющие свои пристрастия по три раза на дню, а крепкие профессионалы.

– Кажется, я начинаю понимать, за что дворяне не любят вашего премьера, – пробормотала я.

– Вдобавок дворяне Шерамура, как правило, знают друг друга – как по родственным связям, так и в лицо. Внедрить в их среду постороннего человека было бы затруднительно. А вот иностранцы не вызовут подозрений.

– Еще как вызовут! Я-то в Шерамуре не была, разве что пограничными областями проезжала. А вот супруг мой там воевал, с шерамурским дворянством якшался. Его могут узнать.

– Это как раз не страшно, – Гверн проявил неожиданную сметку (это с ним случилось). – Я никогда не скрывал, что служу королю Мезанфану под вымышленным именем, дабы не уронить честь моих благородных предков. А что это за предки и откуда я родом – никому не говорил.

– Вижу, я в вас не ошибся, – отец Батискаф одарил нас благодетельной улыбкой, но она недолго цвела на его бледных губах. Певец настроил свою домру (или как там называлась местная разновидность лютни) и затянул песню. То ли его вдохновило присутствие в зале шерамурского черноризца, то ли просто так совпало. Но песня была следующая:

Это было, друзья, в Шерамуре.
Там служил мушкетер молодой.
Целый день он стоял в карауле,
По ночам на дуэли ходил.
Вот приходит он раз к капитану:
«Отпусти ты меня погулять!»
И сказал капитан мушкетеру:
«Через эдак и так твою мать!»

Отец Батискаф поморщился.

– Не кажется ли вам, что здесь слишком много посторонних. Нас могут подслушать.

– Можно продолжить разговор в номере, – предложил Гверн.

– В здешних номерах стены тонкие, двери хлипкие – подслушать не составит труда.

Хорошо еще, что каминов нет. Каминная труба для прослушки – самое лучшее место.

– Да у вас мания преследования, святой отец!

– Опыт, опыт, печальный опыт...

– Тогда давайте прогуляемся до берега Волка, – сказала я. – Там нет ни стен, ни дверей, ни труб.

Монах выразил согласие, и мы поднялись от стола. Певец продолжал голосить:

Но не внял мушкетер капитану,
В парк Бульонский пошел по грибы.
Там он встретил миледи младую,
И забилося сердце в груди!

Мы покинули «Белку и свисток» и двинулись через шумный Гнилой Базар по направлению к реке. День был солнечный, что в Волкодавле случается не так уж часто. В подобную погоду даже заядлые домоседы стремятся на улицы. Дети играли в свайку и забивали ножички в деревянную мостовую, старики и старушки грели косточки на завалинках. Снова ударил колокол храма Ядреной Матери – на сей раз к полуденной службе.

– Как прекрасен собор Гран-Дам-де-Волкодавль, – задумчиво произнес отец Батискаф. – Но церкви и соборы Парлевы прекраснее его. Однако вам вряд ли придется их увидеть.

– Не значит ли сие, что «внедряться» нам придется за пределами столицы?

– Увы. Если бы измена зрела в столице, нам было бы гораздо проще выявить ее. В Парлеве у монсеньора Сомелье большая сеть осведомителей. Но в провинциях местная знать имеет огромные привилегии, и в их укрепленные замки людям Старшего Брата доступа нет.

Деревянные мостовые кончились. Я свернула прочь от пристани, оживленной в это время дня, в направлении Чужанского посада. Разумеется, я не собиралась вести своих спутников в этот неблагополучный во всех отношениях квартал. Но чужане редко выходили на

промысел до темноты. Вдобавок бытовало мнение, что многие из них не слишком жалуют текущую воду. Поэтому я надеялась, что там берег будет пуст.

Так и оказалось. Мы расположились на песчаном откосе. Перед нами струил воды Волк во всей силе и мощи своей.

Противоположный берег был затянут неким маревом, поднимавшимся от воды. Там, вдали, темной стеной вставали деревья – кромка дремучих лесов Заволчья.

– Красиво, – сказала я. – Или, по-вашему, там, где нам придется работать – лучше?

– В здешних местах есть своеобразная дикая прелесть – с привычной уклончивостью отвечал квадратист. – У нас природные долины по возможности застроены и окультурены. К сожалению, измена, по мнению Старшего Брата, свила гнездо в одной из живописнейших провинций королевства – Моветоне, прозванном «Садом Шерамура».

– Сад? – быстро спросила я. – Вишни? Яблони?

– Это имеет значение?

– Нет, просто вспомнилось кое-что... Продолжайте, отец Батискаф.

– Итак, я уже упомянул укрепленные замки. В Моветоне они принадлежат некоторым весьма знатным семействам. Особам не королевской крови, но мнящим себя не ниже. Монсеньор Сомелье считает, что там, под предлогом интенсивной светской жизни, плетется паутина заговоров.

– Он кого-нибудь подозревает?

– Всех. Но в особенности это касается герцога и герцогини Такова-Селяви. У них родственные связи со многими знатными семействами в сопредельных государствах, в первую очередь – Второримской империи. Герцогиня – урожденная Форс-Мажор, из прославленных Мажоров, и является семиюродной сестрой самого императора Фабриция Мануфактора, можете себе представить?

– Отчего ж это не могу? Вполне могу.

– Замок Тур-де-Форс, принадлежащий герцогине, то и дело посещают подозрительные иностранцы. И воспрепятствовать этому нет никакой возможности. Официально считается, что это родственники герцогини или ее мужа, либо их посланцы.

– А перехватить кого-нибудь и осмотреть почту пробовали?

– О, если бы все было так просто! Может быть международный скандал.

– Ну, герцогиня – родственница императора. А ее муж с чего полез в это предприятие? Только не уверяйте меня, что из преданности супруге.

– И в мыслях не имею. Герцог Такова-Селяви в свое время исполнял некоторые деликатные поручения его величества. И, очевидно, полагал, что у него есть основания стать премьер-министром.

– Ясно. Зависть – великое чувство.

– Среди других видных моветонцев выделяются: шевалье Дюшор – ранее подозревался в связях с маршалом Мордальоном, а ныне – с разведкой Кабальерры. Граф Куткомбьен – его брат был фаворитом покойного короля, и он почему-то считает, что это обстоятельство дает ему какие-то права на престол, а его величество Мезанфана делает узурпатором.

– Странные в этом Моветоне представления о престолонаследии.

– Бывает хуже... Мадемуазель Монбизу, бывшая фрейлина королевы-матери. Его величество несколько лет назад уделял ей внимание, затем она была отставлена...

– По крайней мере, ее мотивы понятней, чем у этого... Требьена.

– Вдовствующая маркиза Вальмина де Каданс. Муж скончался при невыясненных обстоятельствах. Впрочем, жалеть о нем не должно... Уроженка Гран-Ботфорте. Утверждает, что в родстве с самими Папарацци – могущественное семейство, скажу вам. Предположительно связана с орденом Святого Рогатуса – естественным врагом квадратистов.

– Перебор по части дам.

– Вот поэтому мы к вам и обратились. Кто сумеет лучше проследить за женщиной, чем другая женщина?

– Я слышала, у Благого Сыска на этот счет другое мнение...

Он пропустил мои слова мимо ушей.

– А посему я бы посоветовал вам по получении аванса значительную его часть потратить на обновление гардероба.

– А чем зам мой гардероб не нравится?

– Видите ли, сударыня, в Шерамуре благородные дамы не разгуливают в штанах и заплатанных куртках.

– Да? А в империи сходило.

– Шерамур – не империя. В этом королевстве, как ни в каком ином, встречают по одежде. И, хотя я всего лишь скромный служитель Святого Квадрата, но вынужден заметить, что в таком виде вас не пустят на порог ни одного замка, Шерамур, как я уже говорил, – это элегантность, шик и гламур.

Последнего слова я не знала, но не стала выяснять, что оно означает.

– Итак, можно сказать, что мы пришли к согласию?

– Верно. Но перед тем как отправиться в путь, мы составим контракт по всем правилам.

– Не стану возражать. Однако вы должны определить, какие имена будут проставлены в контракте и на какие имена следует выправить проездные документы.

– Что ж, тогда будем считать наш мотион законченным.

Мы встали, я с особым тщанием отряхнула песок с любимых штанов, которые так не понравились отцу Батискафу. Он тем временем озирает берег.

– Какие все-таки странные обычаи в этом Волкодавле. Для чего, к примеру, здесь воткнута метла? Я бы еще понял – на улице, но на берегу, где груды песка? Его же все равно не вымести! И эти экстравагантные украшения на ограде... У поволчан совсем нет вкуса к изящному.

Я посмотрела на ближайший плетень, обвязанный пестрыми тряпицами, усаженный лягушачьими и птичьими черепами.

– А это не украшения, святой отец. Это обереги против нечисти. Сейчас, во время войны, в Волкодавле не только контрабанда расцвела. Этот вон – от злыдней. А тот – от шишиг. А метла – она не для мусора. Она для того, чтоб выметать кикимору, – завершила я с некоторой завистью. Мне-то во время столкновения с кикиморой метлу пришлось изготовлять из подручных средств.

– Какая безнадежная отсталость! Мы в больших городах подобных существ давно уничтожили. Полностью. Решительно, Поволчью никогда не догнать цивилизованные страны!

Я не могла разделить его энтузиазма. В некоторых случаях я бы предпочла встретиться с нечистью – которую, обладая определенной суммой знаний, всегда можно победить или изгнать, чем с некоторыми людьми.

У входа в «Белку и свисток» священник оставил нас, дабы мы могли принять решение без постороннего давления.

– Знаешь, – сказала я Гверну, – я, наверное, откажусь от этого контракта.

– С ума сойти! Кто меня полночи убеждал в необходимости принять предложение шерамурца? И вдруг – «откажусь»! Ярчайший пример женской логики!

– Вот именно что женской и, безусловно, логики. Ты слышал, что он сказал про одежду? Можно подумать, что я не видела, как выглядят эти наряды, пошитые по шерамурской моде! Да я в них шагу ступить не смогу! Задохнусь в тисках корсета, меня удушит воротник, или хватит тепловой удар!

Гверна такая перспектива отнюдь не порадовала.

– Может, не обязательно платье? Я в Шерамуре слышал истории о героических дамах-воительницах, правда, не видел ни одной. Может, закажем тебе доспех или кольчугу со шлемом хотя бы, объявим героиней – и ходи себе на здоровье?

– Нет уж. Я даже во время боевых действий в доспехи не рядилась. Точно так же тяжело и неудобно, как во всех этих юбках, корсетах и шлейфах. Нас в МГБ обучали, что современное оружие способно, в принципе, пробить любой панцирь, и в ношении доспехов больше вреда, чем пользы. Польза же состоит в том, чтоб успеть упредить удар или выстрел, а в доспехах это сделать затруднительно. И вообще, кольчуга меня полнит...

Гверн задумался над моими словами.

– Кроме того, ты должен помнить, как выглядит мужская шерамурская мода. Вряд ли она намного практичнее женской.

Гверн погрузился в воспоминания. И на лице его нарисовался неподдельный ужас.

Так мы сидели и молчали, угнетенные мыслями об элегантности, блеске и гламуре. Потом я шлепнула себя ладонью по лбу.

– Сарафан!

– Что?

– И как я сразу не сообразила! Мы поедем с грамотой от Ивана-Царевича, в качестве поволчанских дворян. Так какого демона мы обязаны одеваться по шерамурской моде? Закуплю себе сарафан – уж на это у меня денег хватит. Только не красный – я же не Ядреной Фене собираюсь служить. И буду ходить одетой на поволчанский манер. Так гораздо удобнее. А ты можешь рядиться вообще во что угодно. Откуда в шерамурской провинции знают, как одеваются поволчанские дворяне?

Гверн вздохнул с облегчением.

– Тогда вернемся к проездным документам. Что написано в жалованной грамоте Ивана-Царевича, если следовать твоей логике, значения не имеет. Все равно не прочтут, только на печати поглазеют. А вот подорожная и контракт наверняка будут на шерамурском. Какое ты будешь указывать имя? Ты ведь на самом деле не Этель, и не Копни, и не Тесса...

– Так ведь и ты на самом деле не Гверн. К тому же я эту «милитиссу Этелинду», коей числилась у гидрантов, слишком часто использовала.

– Возьми за основу не первую половину имени, а вторую. Не «Этель», а «Линда». Оно, кстати, и звучит более по-поволчански.

– Это верно, но звучит как кличка курицы-несушки.

– Тогда возьми «милитиссу». Мила – тоже вполне поволчанское имя.

– Не хватало еще, чтоб меня с царевной Миленой путали.

– На тебя не угодишь. Как тебя в предыдущей аванюре именовали? Прися?

– Это не по-поволчански. Это по-суржикски.

– Можно подумать, в Шерамуре хоть один человек почувствует разницу.

– погоди, погоди, что-то вертится... Прися... принцесса... Тесса – было, Рин – было... пусть будет Рина. Звучит вполне на поволчанский лад. А тебя на тот же манер переименуем в Губерния.

– Мне не нравится, как это звучит.

– А меня в капризах упрекаешь. Твои предложения?

– Не знаю. Нету у меня воображения по этой части.

– Ну, если ничего не придумаешь, остановимся пока на этом.

– Некогда уже думать. Похоже, наш работодатель идет.

Действительно, в коридоре слышались шаги.

– Это не он, – сказала я.

– С чего ты взяла?

– Отец батискаф ходит очень тихо. Почти бесшумно. А тут – слышишь, как топает? Это совсем другой человек. И я даже знаю, кто. Это...

Дверь распахнулась. За ней стояла женщина неопределенного возраста, с кирпично-загорелым обветренным лицом, длинным носом и слезящимися глазами. Одета она была в теплую не по сезону фуфайку, подбитую мехом кожаную безрукавку и длинную широкую юбку. Волосы ее, дабы не лезли в глаза, были плотно забраны под платок.

– ...Баба-Яга! – закончила я!

– Стучать надо, когда входите в чужую комнату! – сердито заметил Гверн.

Она, не обратив внимания на укор, шагнула через порог, стуча костяной ногой.

– Добрый день, – сказала я.

– Да уж чего в нем доброго... – она придвинула свободную табуретку.

Подобная бестактность меня не удивила. Репутация у Бабы-Яги была отвратительная. Я узнала об этом, познакомившись с этой дамой во время своего первого визита в Волкодавль. Я уже рассказывала, что Баба-Яга была первым, и по сию пору единственным, в Поволчье, а также и Заволчье, конструктором летательных аппаратов тяжелее воздуха. А новаторы всегда вызывают у окружающих неприязнь и даже враждебные чувства. Впрочем, окружающих тоже можно было понять, после того как опытные образцы аппаратов Бабы-Яги несколько раз падали на город, причиняя его обитателям имущественный, моральный, а также физический ущерб. Вместе с аппаратами падала и сама испытательница. Одна из полученных травм стоила ей ноги, после чего она вынуждена была носить костяной протез. Но это не остановило Бабу-Ягу в ее опытах, и горожане потребовали ее изгнания из Волкодавля. С тех пор резиденция летчицы находилась где-то в глухих лесах, за селом Стригино, и она лишь изредка навещалась в город. Судя по тому, что протезов со времен нашей предыдущей встречи у нее не прибавилось, новые модели летательных аппаратов (она называла их «ступенчатыми ракетами», сокращенно – ступами) оказались удачными. Но характер испытательницы от этого не улучшился. Молва приписывала ей всевозможные пакости – от занятий контрабандой и черной магией до сексуальных извращений. Насчет педофилии сплетники, очевидно, преувеличивали: просто Бабой-Ягой было очень удобно пугать непослушных детей – прилетит, мол, и похитит. А вот с царевной Миленой у нее, кажется, действительно что-то было. (Правда, трудно найти в Волкодавле сколько-нибудь заметную личность, с которой у Милены Немойной ничего не было – звание Верховной Жрицы Ядреной Матери, оно, знаете ли, обязывает.) Тем не менее Иван-Царевич не преследовал Бабу-Ягу даже в те относительно спокойные времена, когда ему не приходилось отдавать все силы борьбе с еретиками.

Каковы были тут причины, я не знала. Разные ходили слухи. Например, что Баба-Яга, несмотря на свою грубую внешность (рядом с ней даже я казалась женственной) – особа довольно высокого происхождения. Будто бы она приходится ближайшей родственницей Верховному Бабаю, правителю Суверенного Оркостана, настоящее ее имя – Бабая-га. Другие утверждали, что происхождение здесь ни при чем, а дело в том, что Баба-Яга исполняет некоторые деликатные поручения регента. Я склонялась к тому, чтоб разделить это мнение.

Наши отношения нельзя было назвать ни дружескими, ни враждебными, мы были просто знакомы, и с чего вдруг Баба-Яга заявила ко мне в гости, я понятия не имела. Однако делать нечего, нужно было поддерживать светскую беседу.

– Давно ли в Волкодавле? – спросила я.

– Нынче прилетела, – сипло отвечала она. Из-за частого пребывания на большой высоте и на ветру Баба-Яга была вечно простужена. Оттого и голос у нее был хриплый, и насморк постоянный, и глаза слезились – а вовсе не от отвращения к грешному миру, как у святого Траханеота, и не от неприязни к поволчанскому духу, как утверждали недоброже-

латели. – Из Бухано-Трескава. Иван-Царевич меня туда отправлял с посланием к господарю тамошнему.

– С чего вдруг на ступе? Из Поволчья в Бухано-Трескав дороги накатаны...

– Накатаны, да не безопасны. Бухано-трескавские границы орда султана Учкудука тревожит.

– Может, хоть из-за этого винная монополия господаря Бухано-Трескавского в Волкодавле закончится? – с надеждой предположила я.

– Не о том ты думаешь, Прися!

– Я теперь не Прися, а Рина.

– Хорошо... Арина. Приходил до вас жрец чужеземный, черноризец заморский?

– Откуда ты знаешь? – вклинился в разговор Гверн. От неожиданности он даже позабыл свою обычную вежливость по отношению к дамам, особенно малознакомым – хамить он, как правило, позволял себе только родной жене.

– Есть у меня способы... – Баба-Яга зачем-то вынула из кармана безрукавки клубок шерсти. Я ожидала, что за ним последуют и спицы (с некоторых пор с большим подозрением отношусь к вязанию), но она продолжала говорить, вертя клубок в руках. – Это в странах закатных магам, дабы зреть далекое, шары хрустальные надобны. А у меня методика разработана собственная, мне яблочка и тарелочки достаточно...

– Простых яблочка и тарелочки?

– Ну, не простых. Технически модифицированных. Но эффект тот же самый. Даже лучше. Тарелочка – она плоская, на ней изображение более четкое, чем в хрустальном шаре, а яблочко настройку дает. И показало мне яблочко да на тарелочке, как вы с черноризцем на берегу Волк-реки беседы водите.

– Ну и что? Мы ни от кого не прятались, – заявил Гверн. – И против местных властей не злоумышляли, если ты к этому клонишь.

– Ежели бы вы супротив Иванов злоумышляли, охранный воевода Кирдык бы вперед меня это вынюхал. За вас беспокоюсь, не за царя с царевичем. Я, пока в Бухано-Трескаве и Сильватрансе была, слышала там про некоего черноризца и дела, им творимые. По описанию – как раз он. Нос крючком, с лица бледен. А дела те – самые что ни на есть колдовские и чернокнижные.

– Ну, описание. Все колдуны, как людей послушать, – близнецы-братья, – сказала я. – Все стары, у всех нос крючком и глаза горят. Граф-воевода Бан из-за подобных стереотипов впал в большую ошибку. Он, когда на Ближнедалний Восток шел, думал, что там злые дела творит его личный враг маг Анофелес. Оказалось – совсем другой старикашка. И вообще, про тебя вон тоже говорят, будто ты колдовством балуешься.

– Нашла, с кем сравнивать! – обиделась Баба-Яга. – У меня магия современная, высокотехнологичная, а у них, в Сильватрансе, – косная и отсталая.

– Значит, не советуешь нам связываться с шерамурским монахом? – спросил Гверн.

– Это ваше дело. Отправляйтесь с ним хоть в Шерамур, хоть к кесарю Мануфактору. А мое дело – предупредить. Непрост этот монах, непрост. Держите ухо востро.

После чего, не попрощавшись, она с неожиданной при ее увечье быстротой вскочила с табуретки и, стуча протезом, удалилась.

– С чего это она про острое ухо? – с подозрением спросила я. – Что мы, эльфы?

– Не нравится мне это... – пробормотал Гверн.

– Что именно?

– Ты же знаешь, я рыцарь. В общем-то простой солдат. Мое дело – воевать. Еще на разведку могу сходить, если очень надо, чудовищ поубивать, если люди попросят... И крайне не люблю иметь дело со сверхъестественными явлениями. И в предложении отца Батискафа,

при всех его недостатках, меня устраивало то обстоятельство, что ничего сверхъестественного там нет. А вот есть, оказывается.

– Сверхъестественное? Что ты называешь сверхъестественным? Я скажу тебе, что это такое, – это когда начальство платит вовремя и не скупится. Когда я столкнулся с таким явлением в Ойойкумене, то признаю его существование. Но не раньше.

– И что тогда делать?

– Идти на встречу с монахом.

Отец Батискаф ждал нас внизу. Он уже заготовил договор в двух экземплярах. Если бы дело происходило в другой стране, договор следовало бы заверить у нотариуса. Но Поволжье в правовом отношении оставалось все же отсталым государством. Здесь принято было верить на слово. А все служители правосудия – по-местному, ярыжки – работали исключительно на царскую семью.

Мы уселись за стол. Но слова Бабы-Яги не выходили у меня из памяти, и я спросила:

– Святой отец, вы когда-нибудь были в Бухано-Трескаве?

Квадратист нимало не смутился.

– Разумеется, был. С миссией от нашего ордена. Жители Бухано-Трескава и Сильватрансы коснеют в невежестве... как и здешние, увы! И, хотя мне удалось обратить сердца некоторых добрых людей к учению Святого Квадрата, не могу сказать, чтоб я добился там больших успехов...

Это многое объясняло. В частности, почему бухано-трескавцы не лучшим образом отзывались о миссионере. Наверное, он пытался творить чудеса, чтоб обратить их. Или показывал фокусы – какая, в сущности, разница? Что ж, тогда следовало вернуться к тому, ради чего мы сюда явились.

Я перечитала текст. Потом еще раз. Потом в третий, четвертый и пятый. После чего передала пергамент Гверну, чтоб он ознакомился. Сама же кликнула служанку, чтоб подавала обед (Твердыни в зале не было, щипок к обеду он готовил собственноручно).

– Что значит «обстоятельства неодолимой силы»? – спросил Гверн.

– Землетрясение, наводнение, извержение вулкана и прочие стихийные бедствия.

– Я бы хотел, чтоб это было расшифровано в контракте. Мне известно, что вулканов в Шерамуре нет, землетрясений не случалось со времен Перворимской империи, да и реки неохотно выходят из берегов. Но маги на многое способны, в частности, на создание иллюзий...

Я чуть было снова не пнула Гверна. Но удержалась. Он мог меня неправильно понять. А я ведь хотела выразить одобрение. Все-таки годы на войне не вполне свели на нет полученное им в юности образование.

Монах словно прочел мои мысли о войне и заявил:

– Тогда я, со своей стороны, требую обговорить, что война к таким обстоятельствам не относится.

Гверн пожал плечами.

– Ну, это уж как водится.

Прервал нас Твердыня, который приволок щипок.

– Я вспомнил, чего не досказал-то! – сообщил он. – Про утопленника!

– Какого еще утопленника?

– Да прошлой ночью я вам рассказывал, как монах сюда приходил и утопили его! Так он адресом ошибся! Ему напротив надо было, в «Копытного медведя». Он супротив тамошних хозяев что-то задумал и камушек тот самоцветный подsunуть хотел. Но языка здешнего не знал, иностранец же, вывески перепутал и не в ту гостиницу зашел.

– Святой Квадрат, какая дикая страна! – заметил отец Батискаф. – Человек, вероятно, плел тонкую, изящную, многоступенчатую интригу, и был загублен ни за что ни про что только потому, что здешние живописцы не умеют как следуют рисовать вывески!

– Да, с живописцами здесь и впрямь проблема. Их в Волкодавле так и называют – «мазилы», – согласилась я. – Но из этого следует, что нужно учить языки.

Покончив со щами, я снова взялась за контракт. Все-таки я не могла понять, где меня кидают. Что кидают – это не подлежит сомнению. Это в порядке вещей. Но где?

Ладно. С тех пор, как я ушла из Магического банка Голдмана, то научилась не надеяться на его юристов. Как-то справлялась сама.

После того как в документ были внесены требуемые изменения и исправления, мы с Гверном расписались. То же сделал и отец Батискаф и в качестве представителя заказчика оттиснул на пергаменте печать. Она у него была на персте. Интересная такая – круг, вписанный в квадрат.

Как и было обговорено, в документах мы были обозначены как поволчанские князья Губерний (Гверн поморщился, когда выводил это имя) и Рина. Местом жительства мы поставили город Кипеж. Не новый, еретический, урожденный Худой Конец, а самый подлинный, древний. Пойди найди его – за последние триста лет это никому не удавалось.

– Что ж, – сказал отец Батискаф, – дело сделано. Когда вы будете готовы отправиться в путь?

До закрытия базара еще оставалось время, мы успевали пройтись по лавкам и приобрести одежду.

– Завтра.

– Отлично. Я провожу вас до Союза Торговых Городов. В Нездесе прослежу, чтоб вам выдали аванс и переправили в Шерамур.

– А вы разве с нами не поедете?

– Нет. У меня еще есть срочные дела в Токай-Гуляше и Гонории. Так что – до завтра.

– А по-моему, мы не закончили, – сказала я.

– Вот именно, – подхватил Гверн. – Мы хотели бы получить инструкции. Желательно, в письменном виде.

Я вообще-то нечто иное имела в виду. Но не стала вмешиваться.

– Может, вам еще и лицензию на убийство дать? – поинтересовался монах. – Что-нибудь в духе «Все, что сделано предьявителями сего, сделано по моему распоряжению и на благо Шерамура»?

– Не помешало бы.

– Увы, – вздохнул отец Батискаф. – Я не располагаю такими полномочиями. Может быть, Старший Брат... Да и то – он слишком недавно занимает премьерский пост.

На сем мы расстались.

– Все-таки он шпион, – заметила я, когда мы с Гверном поднялись к себе в номер. – Сильватранса, Поволчье, Гонория... не зря у него такие маршруты.

– А вот из слов этой... как ее... ступолетчицы такого не следует. Она утверждала, что иначе бы охранный орк его разоблачил.

– Я бы не стала столь безоговорочно верить в непогрешимый нюх Кирдыка. Он, конечно, специалист, но переворот в Большом Сарае проморгал. И неважно, что переворот готовился в то время, когда Кирдык был особистом в набеge на Суржик. Профессионал подобные вещи должен чувствовать заранее.

– Не знаю, ты там была, не я. А это что такое?

Он потянулся к серому комку, одиноко лежавшему на табуретке. Я схватила его за руку.

– погоди! Вдруг это опасно?

- Да ты что, не выпалась, душа моя? Перестраховщица! Это же просто клубок шерсти!
- Клубок? Ах да... верно, Баба-Яга забыла.

Я взяла клубок в руки. Шерсть была как шерсть. Грубые, прочные нитки, не чета нитям жизни, которые вывязывали магические спицы некромантки Логистиллы. Размыслив, я положила клубок в сумку.

– Ну что, идем в город? Нужно обзавестись какой-никакой одеждой. Кстати, и для тебя тоже.

– А может, ты сама как-нибудь? – как большинство нормальных мужчин, Гверн терпеть не мог ходить за покупками. – Наряды – это для дам, а на джентльменов никто не смотрит.

– Только не в Шерамуре, насколько я слышала.

Судя по выражению лица Гверна, он слышал и поболее моего. И это его отнюдь не радовало. Но развивать спор он не стал, а присоединился ко мне.

Внизу, в зале, мы уже не увидели отца Батискафа. Зато Твердыня был на месте, и я задержалась, чтоб переброситься парой слов:

– Скажи-ка, почтенный, Баба-Яга не говорила, когда она собирается покинуть город? Или она уже отбыла?

– Не, вроде до завтра собиралась задержаться. Ей на Гнилом Базаре кой-какие закупки надо сделать.

– А ночует она где? – на моей памяти воздухоплавательница не останавливалась в «Белке и свистке».

– Да вроде в Зимних Квартирах. Ей же в самом Волкодавле жить запрещено, ты ведь знаешь... Есть там такая вдова Синекдоха, подворье держит... – далее жестом Твердыня отобразил, что он думает о той вдове и о том подворье.

– Хорошо бы нагнать Бабу-Ягу на базаре, – сказала я, когда мы вышли из гостиницы. До Зимних Квартир, пригорода Волкодавли, путь был не близок. Оставалось надеяться, что Баба-Яга на своем протезе быстро ходить не может, а летать в черте города не посмеет.

– Хочешь отдать клубок?

– Да. И еще кое-что.

Мне казалось не совсем правильным везти свой экземпляр договора в Шерамур. Не привыкла я доверять работодателям. А «Белка и свисток» в качестве хранилища – место ненадежное. Вдобавок еще и частые пожары в Волкодавле... а банков здесь не водится. В принципе, я могла бы обратиться к Кирдыку. Но охранный воевода непременно начнет нас вербовать, засылать в Шерамур в качестве двойных агентов (или уже четверных – если нас двое?). А оно нам надо? Да и времени нет совсем.

Оставалось переговорить на сей счет с воздухолетчицей. Да и любопытно мне было – можно ли будет связаться через стандартный общепринятый магический кристалл с ее пресловутой тарелочкой...

Парадный сарафан, купленный мною в лавке на Гнилом базаре, был насыщенного синего цвета. То, что надо. Не в моем возрасте в пестреньком ходить. А главное – я специально примеряла – под ним можно было припрятать если не все мое оружие, то значительную его часть. Хорошая все-таки мода в Поволчье. Практичная. Особенно приятно, что допускает ношение сапог вместе с платьем. Не таких, конечно, какие были на мне в данный момент, а сафьяновых. Я их также прикупила. Ну, и еще кое-что по мелочи.

Гверн категорически отверг кафтан и шубу, составлявшие, неперемненные атрибуты придворной моды в Волкодавле. Наверное, правильно сделал. На хорошую шубу у нас деревянных не хватило бы, а в плохой в приличном обществе не покажешься. Ну и жарко, если подумать, в Шерамуре в шубе. Решили ограничиться шапкой и епанчей поволчанского кроя. И, хвала всем богам Ойойкумены, с покупками покончили. Не знаю, какой враг рода челове-

ческого выдумал, будто женщины обожают ходить по одежным и обувным лавкам. То есть, может, какие-то и обожают, а я – терпеть не могу. Гверн, как уже говорилось, тоже, и в этом отношении мы достигли полной гармонии.

Лошадей мы купили раньше, как только решили, что уедем из Волкодавля. Выбрали степных. Двух – из Столовых равнин: они, на мой взгляд, ненамного уступают хваленым скакунам с Ближнедалнего Востока, а кое в чем и превосходят их. К тому же восточные, из-за этой своей славы, стоят гораздо дороже. И еще мы купили мохнатого орковского конька, которому и предстояло повезти наши вещи.

На заводных лошадей денег уже не хватало никак. Если отец Батискаф хочет, чтоб мы передвигались с повышенной скоростью, пусть выдает аванс, не дожидаясь, пока мы прибудем в СТГ.

Уж если речь зашла о транспортной проблеме и нашем спутнике, любопытно, на чем отец Батискаф будет передвигаться. У некоторых монашеских орденов на Западе бытуют странные обычаи. То им вообще ездить верхом запрещено, то – не совсем запрещено, а нельзя только на конях, но можно на ослах, мулах и в носилках. Но вот в храме Края, где мне довелось побывать, разводили превосходных коней...

Не похоже, чтоб отец Батискаф прибыл в Волкодавль пешком. На чем же он приехал?

Это выяснилось утром. Заодно выяснилось, что квадратист не склонен к крайностям. Осел или мул, каковы бы в Поволчье не водятся, привлекли бы к себе излишнее внимание. Кровный конь под седлом у скромного чернеца мог бы ввести в искушение разбойников. Так вот: конюх «Белки и свистка» вывел квадратисту пегого мерина. Не то чтобы отменных статей, но достаточно крепкого, чтоб передвигаться на нем по дорогам Поволчья. По тому, что здесь считается дорогами.

А вообще-то вдали от городов и на мерина могли польститься. Отец же Батискаф доехал до Волкодавля жив и невредим. И еще собирался смотаться в пару сопредельных стран. А никакого оружия при нем не было. Это заставило меня призадуматься о подлинных знаниях и умениях нашего спутника.

Гверн проворчал:

– До Союза Торговых Городов путь не близок. Вот слышал я в империи, что был один монах, который не только умел летать, но и попутчиков носил на своем плаще...

Взгляд отца Батискафа был невозмутим.

– Сын мой, это наверняка был демон в образе монаха.

– В любом случае, на плаще бы я не полетела, – сказала я. – Уверена, что на нем болтает еще хуже, чем на ковче-самолете.

– Пока что болтаем мы с вами, дети мои, – сурово заметил квадратист. – Вперед, дорога ждет нас!

Возможности взглянуть, не припрятано ли у монаха какое-нибудь тайное оружие, нам не представилось. Путь до СТГ был на удивление мирным. Не считать же за нападение стычку с компанией орков, явно изгнанных из родных степей за профнепригодность в набегах, и разборку с подгулявшими торговцами из Великого Суржика, желавшими в очередной раз свести счеты с «клятыми поволчанами»? (Последнее, скорее, меня обрадовало: если даже суржики принимают нас за поволчан, шерамурцы тем более не усомнятся.) Так вот, отец Батискаф в конфликты не вмешивался, предоставляя нам улаживать их самим. Не думаю, чтоб он так сильно доверял мне и Гверну. Наверняка уже был свидетелем контактов любителей с контрактниками (а Гверн таки перешел из рыцарей в контрактники, хоть и не любил это признавать), и не изволил беспокоиться.

За время пути он не посвящал нас в подробности миссии в Моветоне, и я не исключала, что он сам их не знает. Вероятно, он должен был получить дополнительные инструкции в

Нездесе, иначе зачем ему было тащиться с нами, коль скоро у него дело в сопредельных странах – если только он не врал. Что ж, мы не возражали, тем более что квадратист оплачивал дорожные расходы.

И вот мы снова отказались в Нездесе, чудесном городе, славном своими пляжами, бульварами, бандитами и контрабандными товарами, по преимуществу местного производства. Я часто бывала здесь еще со времен службы в МГБ, поскольку в Нездесе Магический банк Голдмана имел один из крупных филиалов. Приезжала я сюда и позже, поскольку Нездесийский порт связывает закатные и восходные страны не хуже магических врат.

Поэтому местные достопримечательности мы осматривать не стали. Остановились, как всегда, в гостинице «Приморская». Раньше времени в банке светиться мне не хотелось, поэтому проверять, открыт ли счет, ходил Гверн. Квадратист с вечера исчез. Без сомнения, отправился за инструкциями.

Он проведился на следующий день, когда мы, как следует выпавшись, заняли столик на открытой террасе под тентом. Я пила каву и читала местный летучий листок «Таки да!», Гверн с сомнением дегустировал местное же пиво – кто-то ему рассказывал, что оно здесь неплохое, про него даже баллада была сложена: «В Нездесе новая открылась пивная, туда слеталась всех бандитов стая». И лишь появление отца Батискафа, чье черное одеяние было единственным мрачным пятном на акварельной картине солнечного дня, напомнило о том, что мы приехали сюда не отдыхать, а работать.

– Ну что ж, дети мои, – сказал монах, выкладывая на стол кошелек, – пришел час расплаты.

– Аванса, – уточнила я. – Расплата будет по завершении задания.

– Совершенно верно. Напоминаю – оно заключается в том, что вы должны добыть в Моветоне доказательства заговора против короны Шерамура и Старшего Брата.

– Это мы помним, – сказал Гверн, – и если это все, зачем мы тащились из Волкодавля?

– Точно, – поддержала я супруга. – Ни за что не поверю, чтоб служба Старшего Брата и орден квадратистов не провели предварительной подготовки. Так что, святой отец, не будем изменять установленной веками традиции. Давайте сюда адреса, явки, пароли, и что там еще вам сообщил здешний резидент.

– В чем-то где-то вы правы, – согласился квадратист. – Работать на пустом месте невозможно. Но я уже объяснял вам, зачем нам понадобились именно вы. В Шерамуре, как нигде, за исключением разве что Кабальерры, придают значение благородству происхождения. Тот, в ком заподозрят фальшивого дворянина, может быть подвергнут жесточайшей магической проверке на аристократизм. Вам, как я понимаю, это не страшно.

– Да пожалуйста! Путь хоть анализ на чистоту крови проводят.

Отец Батискаф кивнул.

– Нам не внедрить своих людей в круг избранных аристократов Моветона. Они с презрением относятся к купеческому сословию, да и к духовному тоже. Однако обойтись без купцов они не могут. И без банкиров тоже. Знатные господа из Моветона обращаются за займами к банкиру Фердикрюгеру. Он и введет вас в высшее общество Моветона. О вас он будет знать не более, чем знать ему положено. Проживает банкир в столице провинции Мове-сюр-Опер, в собственном отеле на улице Ушей Мертвого Осла. Спросите у него, не продает ли он мебель в стиле «а-ля Волкодавль». Этого достаточно. Кроме того, мне сообщили, что в Моветоне набирает силы новая ересь, проникшая к нам из империи. Ересь Края.

– Ну и строгости у вас в Шерамуре, отец святой. В империи вера в Края Окончательного не скажу, что является государственной религией, но орден Края официально признан властями церковными и светскими.

– О, я не о прежней, вполне традиционной вере в бога смерти. Но сейчас, после злощастия, постигшего храм Края, когда большая часть братии воссоединилась со своим божеством...

– А, вам и об этом известно...

– ...из рядов ортодоксальных последователей Края выделились неумеренные личности, проповедующие веру в новое воплощение Края. Его именуют Край Света. Новый патриарх ордена борется с этой ересью, но пока без особого успеха.

Когда я, без малого пару лет назад покидала развалины храма Края (это не я его развалила, честное слово!), братия насчитывала всего двух братьев, причем я даже не могу сказать – двух человек. Это были монах Теодолит, бывший счетовод храма, и послушник Генрих, вампир-инвалид. Интересно, кто из них стал новым патриархом? Впрочем, не так уж интересно.

– А какое отношение это имеет к нам, отец Батискаф?

– Пока никакого. Но, как я говорил, ересь проникла в Моветон – увы, жители Шерамура склонны перенимать новшества, как хорошие, так и дурные. А служители ордена Святого Рогатуса по роду своей деятельности обязаны преследовать ереси. Я счел необходимым предупредить вас, дабы вы приняли меры предосторожности и не позволили заподозрить в вас эмиссаров Края Света.

– И на том спасибо... Этот банкир – единственный, через кого можно поддерживать связь со Старшим Братом? Несерьезно, сударь.

– Разумеется, нет. Кроме того, я не рекомендовал бы обращаться к господину Ферди-крюгеру по иным вопросам, кроме финансовых. Однако премьер Сомелье пришлет к вам своего связного. К сожалению, поскольку я буду исполнять другую миссию, мне неизвестно, кто это будет. Помимо тех, кто входит во внутренний круг Святого Квадрата, у ордена много мирских братьев... и сестер. Известен только пароль: «Уж давно отцвели розы в нашем саду». Отзыв: «Но гореть обречен вечно грешник в аду». Кроме того, у доверенного лица Старшего Брата будет перстень с такой же печатью, как у меня.

– Негусто, отец Батискаф. Ладно, хоть так. Давайте деньги.

Мы пересчитали аванс, выданный частично в полновесных золотых амурах, частично в серебряных тужурах. После чего квадратист сказал:

– Итак, дети мои, еще одно указание – и я буду считать свой долг выполненным. Когда колокол городской оперы даст сигнал к началу представления, вы должны быть у местного отделения Магического банка Голдмана. Тамошние врата переправят вас прямо в Моветон. Вместе с вещами и лошадьми. И не забудьте к этому времени переодеться.

– А может, уже там переоденемся? – с надеждой спросила я. – У этого Фредди, или как его?

– Сударыня, я вас умоляю! Опять вы за свое! Ваш вид должен соответствовать вашему положению.

– Вот уж не думала, что церковь в Шерамуре придает такое значение женской одежде. И к тому же, – добавила я с некоторым злорадством, – вы пользуетесь магическими вратами. Разве это не грех для духовного лица – прибегать к помощи магии?

– Как учит нас Старший Брат Сомелье – все простительно, что идет на благо Шерамура. И помните, дети мои, – вы служите правому делу, что бы ни утверждали наши противники. Да не введут вас в искушение их коварные речи! И да хранит вас Святой Квадрат!

– Так я и знала, что господин Голдман и его банк здесь замешаны, – сказала я Гверну, когда мы остались одни. – Еще в Волкодавле заподозрила. А когда монах банкира этого помянул, окончательно убедилась. Наверняка какой-нибудь деловой партнер Голдмана. Стало быть, финансовые круги заинтересованы в сохранении стабильности в Шерамуре, оттого и поддерживают Сомелье.

– Это что-нибудь меняет?

– Пожалуй, ничего.

Ближайшие часы мои были посвящены попыткам разместить под сарафаном максимально допустимое приличиями количество оружия. Так, чтобы не выпирало и чтоб его можно было без труда достать. Слышала я, что есть дамы – наемные убийцы, которые действуют в платьях – ну и трудная же у них жизнь! Хорошо, если их специализация – яд или удавка, а каково в этом прикиде работать с холодным или метательным оружием? Кстати, арбалет я прятать под сарафан не стала. В некоторых странах он считается сугубо дамским оружием, так могу я воспользоваться привилегией носить его при себе открыто?

Закончила облачаться я под ворчание Гверна насчет того, как вечно женщины копаются со своим барахлом. Ему-то хорошо, прятать ничего не надо, плащ накинул, шапку напялил и пошел.

Затем мы покинули гостиницу – по счету должен был заплатить отец Батискаф. Он не утверждал, что уезжает в Токай-Гуляш незамедлительно, и я предположила, что он выйдет нас проводить. Но квадратиста не было видно. Очевидно, он следил за нами тайно.

Солнце только успело отодвинуться за купол оперного театра, красы и гордости Союза Торговых Городов. Жара еще не спала, и в плотной поволчанской одежде на улице было душно и неловко. По крайности, на нас никто не глазел. В Нездесе всегда было полно приезжих в самых разнообразных одеяниях, а сейчас, когда разряженные нездеситы и гости города, по преимуществу негоцианты с женами, спешили на вечернее представление, на нас и вовсе не обращали внимания. В тот вечер шла «Ширма», сочинение прославленного маэстро Чернины из Гран-Ботфорте. Я бы и сама не отказалась послушать, да и Гверн тоже – с музыкальным слухом у него было все в порядке. Тем более утверждали, что этот опус сравним по совершенству со знаменитой «Порцией», которую мы с Гверном слушали в некий достопамятный вечер. Но нынче нам, увы, было не до прекрасного. Мы направили лошадей к давно знакомому мне зданию нездесийского отделения Магического банка Голдмана.

На сей раз я вошла туда не со служебного входа, как в оны времена. И не с главного – как вкладчик. Мы въехали во двор через боковые ворота, куда направлялись те клиенты, что желали воспользоваться магическими воротами через пространство. Надо ли говорить, что эта услуга оказывалась банком далеко не всякому клиенту и отнюдь не задешево? У нас с Гверном были с собой доставленные квадратистом пропуска, свидетельствующие о том, что сия услуга нами оплачена.

Сотрудники банка обычно отправлялись в путь налегке и транспортными средствами, как правило, обзаводились в пункте прибытия, благо это входило в командировочные. А вот клиенты вели и везли с собой всякое. Рассказывали, будто один клиент пытался проехать через ворота на слоне, но не исключено, что это была просто байка, гулявшая среди охранников. Учитывая вышепоименованное, ворота традиционно были расположены в больших залах или крытых дворах, как в Нездесе.

Сегодня слонов в очереди перед нами не случилось. Зато был человек верхом на гигантской панде, одетый в набедренную повязку и шапку-ушанку. Панда вела себя смирно, однако бывало, что верховые и вьючные животные начинали буйствовать. Было дело, буйствовали и сами клиенты. Поэтому, кроме дежурного мага, осуществлявшего заклинание перехода, за отбывающими наблюдала охрана.

Ее начальника я узнала сразу. Эти острые уши, эту надменную физиономию, к которой даже здесь не прилип загар, этот сверлящий взгляд и захочешь – не забудешь. Когда-то он был и моим непосредственным начальником – в головной конторе банка на острове Муфлон.

– Эй, Финалгон! – окликнула я его негромко.

Эльф-ренегат пряданул ушами и обернулся.

– Тесса?

– Теперь я – Рина.

– Ах, да... – он вытащил список, сверился. – Есть. Губерний и Рина Кипежанские. Направление – Шерамур, Мове-сюр-Орер. Кстати, поздравляю с замужеством.

– Тебе того же самого... Это ты, эльфийская морда, сдал меня агентуре Сомелье?

– Сомелье? Премьер-министра Шерамура? – впервые я увидела, как безупречные черты моего бывшего старшего исказило недоумение. Разумеется, на «эльфийскую морду» он не обиделся. Она у него такая и была. Будь он человеком, его внешность бы меня раздражала. Никогда мне не нравились чересчур красивые мужчины. А для эльфа – в самый раз.

– Нет, владельца прачечной! Не валяй дурака, Финалгон, не твой стиль. Конечно, шерамурского премьера.

– Ты же знаешь, Тесса... то есть Рина, что я не работаю на таком уровне. Если кто-то мог вывести на тебя, то только лично господин Голдман.

– Ага, сейчас. Так я и поверю, что господин Голдман помнит всех уволившихся сотрудников.

– Ну, ты как дитя, право, – облил меня Финалгон хорошо отмеренной дозой презрения. – Зачем ему кого-то помнить? У него картотека есть на всех сотрудников – настоящих и бывших. И досье. Как будто ты не знаешь.

Я знала. Настроение у меня ухудшилось. И я поспешила сменить тему.

– Да, а ты почему из главной конторы перевелся?

– А ты почему из МГБ уволилась? – ответил он. Все же пребывание в Нездесе на него повлияло.

– Долго вы еще ворковать собираетесь? – вмешался Гверн. По холодности его тона я догадалась, что он закипает. – Очередь подходит.

Действительно, пандовладелец уже исчез в арке врат. Мы с Гверном поднялись в седла.

– Да, – вот еще что я хотел сказать... – начал было Финалгон.

Но в этот миг его прервал окрик дежурного мага, пузатенького молодого человека в форменной хламиде.

– Господа Кипежанские, пора! Над Шерамуrom – значительное возмущение магического поля, возможен сбой во времени. Если задержитесь, врата закроются!

Так я и не узнала, что хотел сказать мне Финалгон. Мы направились к вратам. Гверн ворчал.

– На минуту оставить нельзя! Стоит возникнуть любой смазливой роже, и она сразу к этой роже поближе!

Надобно признаться, иногда приступы ревности посещали моего благоверного в самый неподходящий момент. О том, что эти приступы всегда были беспочвенны, я и вовсе молчу.

Предпочла промолчать я и в этот раз. Не хватало еще семейной сцены во время переноса – неизвестно, как мое возмущение повлияет на пресловутое возмущение магического поля.

Мы въехали во врата, и маг, еще раз глянув в маршрутный лист, заявил:

– Добро пожаловать в Шерамур – на родину любви и красоты!

– Как странно, – пробормотала я, – то же самое мне говорили про Гран-Ботфорте.

И мы окунулись во тьму.

Никогда не могла понять принцип, по которому эти магические врата работают. Ничего удивительного – способностей к магии у меня не было ни на грош. Как правило, магические врата переносят тебя в пространстве, но не во времени. Но у любого правила есть исключения.

Шерамур расположен ближе к закату, чем Союз Торговых Городов. И если в Нездесе был вечер, то в Мове-сюр-Орер должен был еще продолжаться день. Однако стояла ночь.

Очевидно, обещанный нам сбой во времени все же имел место. Будь я постоянным клиентом МГБ, потребовала бы неустойку за потерянное время. Или нас перенесло на несколько часов назад, а не вперед? Нет, лучше мне в эти материи не лезть.

Дул пронизывающий ветер и сеялся мелкий дождь.

– А квадратист твердил: «сад Шерамура, сад Шерамура», – выразил свое неудовольствие Гверн.

– Значит, этот сад постоянно поливают. – Я поплотнее закуталась в плащ. Здесь теплая поволчанская одежда была вполне уместна. Но это в данное время было единственное утешительное обстоятельство.

Насколько я могла судить, мы находились на пустыре, на окраине города. Кругом не было видно ни огонька. Ставни в домах по позднему времени были закрыты, а фонарей на улицах, в отличие от имперских городов, здесь не вывешивали. В Волкодавле тоже по ночам была тьма крошечная, но там это мера противопожарной безопасности, поскольку в Поволжье (не говоря уж о Заволжье) большинство построек – из дерева. У шерамурцев такого оправдания не было.

– Ну и где они, эта улица и этот отель? – ядовито осведомился Гверн.

– Будем искать. Не думаю, что это рядом.

– Твои банковские маги что, не могли нас прямо у цели высадить?

– Ну, ты избаловался. Ты раньше пользовался магическими воротами?

– Нет.

– А я – да, и не раз. И уверяю тебя, маги-операторы никогда не отправляют клиентов к самой цели. Они выбирают пустынное место где-нибудь в стороне, дабы не смущать местное население. Особенно если перенос осуществляется в дневное время – как это предполагалось сегодня. Во всяком случае, в МГБ это считается хорошим тоном, а к другим воротам я доступа не имела.

– И что теперь?

– Едем к центру города. Если повезет – встретим ночную стражу и спросим. Нет – так вломимся прямо в ратушу, наверняка там есть сторож.

– В ратушу? Посередь ночи?

– А что такого? Мы иностранцы, и не обязаны знать местных обычаев.

– Пожалуй, верно, – с неохотой согласился он.

И мы двинулись из тьмы во тьму. Лошади фыркали. После теплого вечера дождливая ночь прилась им не по нраву.

Гверн выехал вперед. Я не препятствовала ему. В Шерамуре я раньше не бывала, но не сомневалась, что тут города строят по тому же принципу, что и в империи. Если двигаться от окраины к центру, неминуемо попадешь на рыночную площадь и к ратуше. Если, конечно, по пути не утонешь в грязи и не нападут грабители. Грязь в Мове-сюр-Орер наличествовала в допустимых для верховых нормах. А вот грабители были вполне вероятны. Отец Батискаф рассказывал нам, что ночная стража в шерамурских городах повсеместно набирается из законопослушных буржуа. А такие в темные переулки предпочитают не соваться. Поэтому Гверн и подался вперед. Чудак-человек, думал, это он меня защищает. Он все жил своими военными понятиями, и не думал о том, что уж если грабители решат напасть, то ударят в спину. Но я не стала Гверну об этом сообщать. Тем более что если кто и сидел в засаде между домами, то не высовывался. Гверн, в отличие от меня, оружия не прятал, то, что при нем меч, понимающий человек мог разглядеть и в темноте. А если человек понимающий, то он сообразит, что бросаться на вооруженного всадника – себе дороже. Даже из засады. Дождь тем временем прекратился, и даже луна рискнула выставить свой бледный лик из-за туч. В ее неверном свете были видны островерхие крыши домов и шпили соборов, почти не отличающиеся от тех, что я видела в империи. Правда, в имперских городах улицы были

попрямее. Здесь они петляли, но не так, как в Гран-Ботфорте, где улицы иногда – сущий кошмар, такие они узкие и запутанные (я так и не поняла, по какой причине там подобная застройка – из-за дороговизны земельных участков или в оборонных целях – при штурме города на таких коммуникациях не очень-то развернешься).

Постепенно дома стали выше, улицы – шире, а копыта лошадей зацокали по булыжникам. Мы выехали на площадь, посреди которой возвышалась статуя неизвестной мне особы. И тут наше благостное передвижение по городу закончилось.

Нападение, коего опасался Гверн, свершилось. Причем напали не на нас. Заварушка имела место быть в самом разгаре. Сталь клала на сталь, шипели факелы, отброшенные в грязь, и на брусчатке были распростерты недвижные тела.

Компания вооруженных людей теснила другую в пресловутый темный переулок. Пятеро с одной стороны, а с другой – трое. Причем дрались только двое, прикрывая третьего. Несомненно, охрана. И раньше они не уступали числом своим противникам. Но их коллегам не повезло.

– На помощь, благородные господа, на помощь! – возопил третий, неуклюже размахивая кинжалом. В голосе его слышалось отчаяние. Он не был уверен, что «благородные господа» не являются сообщниками убийц.

И, кроме отчаяния, слышалась в его словах что-то еще. Гверн, хекнув, выхватил меч и кинулся в гущу сражения. Он, знаете ли, рыцарь, он не может спокойно стоять и смотреть, когда зовут на помощь. И вообще он давно скучал без настоящей драки – не считать же за таковую ту разборку с суржиками. Потому лучше было ему не мешать. Тем более что я без особой необходимости на защиту угнетенных не бросаюсь.

Держа повод вьючной лошади, я отъехала в сторону, дабы иметь лучший обзор. Поначалу мне казалось, что у Гверна все преимущества – он был конным, а его противники пешими, да и воин он был опытный.

Но эти тоже консье не из сабо хлебали. Уж конечно, они не были грабителями – об этом можно было догадаться сразу. Грабители, как уже говорилось, на вооруженную охрану попрут только в крайнем случае, а от рыцаря с мечом поспешат убратся подальше. Вот наемников, да еще успевших получить аванс, ни охрана, ни рыцари не испугают. Они будут отрабатывать свою плату.

Впрочем, наемники – еще не худший вариант. С кем бы мне действительно сейчас не хотелось сталкиваться, так это с загулявшими студентами. Школяры в просвещенных странах – это нечто особенное, а в Шерамуре, как приходилось слышать – это вообще полные отморозки. Подвергать уголовному суду их нельзя, поскольку их защищают древние права и вольности университетские. Церковному тоже, поскольку они в основном – будущие духовные лица, а церковные судьи кто? – те же бывшие школяры. Однако по сведениям, полученным от отца Батискафа, в Мове-сюр-Орер не было университета. Так что оставалось надеяться, что это все же наемники и их можно вразумлять – без перспективы угодить за это на виселицу.

Гверн оттянул на себя двоих нападавших и довольно успешно ломал их сопротивление. Двое еще не оставили в покое охранников. А пятый, сволочь такая, отошел, швырнул меч в ножны и извлек из-под плаща арбалет. Ну не свинство ли? Мало того, что он пользуется тем же оружием, что и я, так еще и целится в моего мужа! Хорошо, что арбалет у него не был заряжен, а пока он возился, я успела задрать сарафан, выхватить из-за голенища метательный нож из малого набора и швырнуть его в спину мерзавцу. А затем, прихватив свой арбалет, перескочила из седла на постамент статуи, чтобы прицелиться без помех. И вовремя – Гверн успел уложить одного из своих противников, и остальные наемники, оставив в покое выдохшихся охранников, обратили свои клинки против него.

Луна окончательно выбралась из-за туч, и это помогало целиться. Я могла бы перестрелять всех противников Гверна, однако вряд ли он простил бы мне столь грубое вмешательство в его приватную жизнь. Вот подстрелю одного, а с остальными пусть сам справляется.

Но нападавшие как-то слишком нервно среагировали, когда болт свалил их сотоварища. Притом что они совсем не обратили внимания на гибель предыдущего от кинжала. Обернувшись в мою сторону, они загомонили, указывая то ли на меня, то ли на статую. Слов я не понимала – все-таки с шерамурским жаргоном у меня проблемы. Мне показалось, что они выкрикнули что-то вроде «Квитанция!» или «Дистанция!» и поспешили скрыться в близлежащем переулке. Одного пришлось волочь – Гверн успел его подранить. Странно, при их профессии люди обычно не так пугливы. Или в этом городе стрельба с постамента данной статуи считается верхом крутизны?

Постамент пришлось покинуть. Нужно было ловить лошадей, да и забрать кинжал из спины убиенного не помешало бы. Телохранители спасенного тем временем, не опускали оружия, явно не испытывая доверия к спасителям. Я бы на их месте поступила точно так же. Сам же спасенный – мужчина средних лет, упитанный, чисто выбритый, в приличной, но слишком уж неброской для родины элегантности одежде – кинжалом размахивать перестал и осведомился:

– Могу я узнать, кому обязан честью и жизнью?

– Жизнью вы обязаны своим родителям, а честью – только себе, – отвечал Гверн. Иногда он бывает редкостным занудой. – Если же вы сударь, желаете спросить, кто мы, то узнайте – мы чужестранцы, только сегодня прибывшие в этот город и заблудившиеся во мраке ночи.

– И, благодаря вам, ночь воссияла светом.

Должно быть, он имел в виду, что луна светила. Кроме того, я поняла, что именно зацепило меня в речи этого человека. Его выговор был прямо противоположен выговору отца Батискафа. Квадратист говорил по-имперски с шерамурским акцентом. Этот – наоборот, по-шерамурски с акцентом имперским.

Увидев, что я склонилась над убитым, он воскликнул:

– Сударыня! Не стоит вам марать ручек! Этот мерзавец уже мертв.

Неизвестно, что он решил: что я хочу оказать жертве помощь или оную жертву добить.

– Вижу, что мертв. Взгляните-ка лучше на него и на того, второго. Вы их знаете?

Он отмахнулся.

– В первый раз вижу. Но и без того догадываюсь, что это наемные убийцы.

– А кто их к вам подослал, догадываетесь?

– У делового человека в Шерамуре всегда множество врагов, – уклончиво ответил он.

– Занятная страна этот Шерамур.

– Ах да, вы же приезжие... Давайте покинем площадь. Здешняя стража не спешит на помощь в беде, но неотвязно преследует допросами невинно пострадавших. А потом мои слуги укажут вам достойную гостинцу.

– Отлично, – сказала я. – Возможно, впоследствии мы снимем здесь дом. Кстати, у вас продается мебель в волкодавльском стиле?

Он сделал резкое глотательное движение. Выдавил: «Ме-ме-ме...» – но затем справился с собой и перестал мекать.

– Мебель продана. Но, может, вас устроит гарнитур в стиле имперском?

Мы с Гверном переглянулись.

– Надо посмотреть, – сказал Гверн.

– В таком случае о гостинице не может быть и речи. Приглашаю вас к себе. Да, забыл представиться. Я – Луц Фердикрюгер, банкир.

– А мы, – поспешила представиться я, дабы Гверн ничего не перепутал, – знатные иностранные путешественники, князя Кипежанские из Поволчья.

– Надеюсь, благородные господа не пренебрегут кровом скромного финансиста?

Таким благородным господам, как мы, значительную часть жизни приходилось ночевать на земле, под открытым небом, и хорошо еще, если обстоятельства позволяли развести костер. Но мы не стали объяснять этого Фердикрюгеру.

– Мы воспользуемся вашим предложением, – сказал Гверн.

– Тогда поспешим!

– А как же ваши убитые охранники?

Фердикрюгер посмотрел на меня странно. Очевидно, в Шерамуре благородным господам не полагалось интересоваться такими вещами.

– Я пришла за ними своих людей. Позже.

Так день, начатый распитием кавы на террасе нездесийской гостиницы, завершился ужином в особняке на улице Ушей Мертвого Осла, расположенной неподалеку от площади. Банкир, радуясь спасению собственной жизни, оказал нам гостеприимство не только формальное. Яств, выставленных на стол, хватило бы на дюжину гостей, причем истомленных длительным постом. В камине трещали дрова, отблеск пламени играл на хрустале бокалов и цветных стеклах окон, за которыми снова шел нудный дождь, и все это было весьма мило. Даже если не забывать о том зачем мы сюда приехали. Впрочем, кто сказал, что нельзя есть и слушать одновременно?

– Я родом из Фриценшвайна, что в имперской Помирании, – повествовал банкир, – где и начинал свое дело. Но потом финансовый климат в моем родном городе стал неблагоприятен...

– Знаю-знаю, помню-помню, – благосклонно кивнул Гверн.

Я предпочла не вмешиваться. Историю про осаду Фриценшвайна, при которой город фактически разнесли по камешку, я слышала от супруга раз десять, и сейчас не желала пробуждать воспоминаний.

– ...поэтому я перебрался в Монстердам. А затем смена экономического курса, объявленная господином Сомелье, привлекла меня в Шерамур.

– А в чем этот курс заключается? – Я дегустировала вино, представленное дворецким, как розовое мове.

Фердикрюгер помедлил с ответом. Очевидно, он не ждал от дамы, – да еще дворянки, подобных вопросов. Потом припомнил, что визит наш все же не совсем светский.

– Господин Сомелье считает, что, взявши кредит, его надо отдавать. А кредиторов вовсе не обязательно убивать, жен и дочерей их насиловать, а дома отдавать на поток и разграбление. Видите ли, княгиня, не все банки имеют такую мощную магическую поддержку, как банк господина Голдмана. И это заставляет деловых людей с надеждой смотреть в сторону премьер-министра.

– Он покровительствует вам?

– Как и другим банкирам, вложившим деньги в предприятия Шерамура. Он даже обещал добиться для меня у его величества дворянской грамоты. В империи были подобные прецеденты, но в Шерамуре – никогда. Это очень облегчило бы мне ведение дел.

– А здешняя знать, как я понимаю, политикой Сомелье недовольна.

– Они считают, что реформы господина премьер-министра оскорбляют древние рыцарские обычаи... и что король излишне потворствует первому министру. Большого я не знаю – со мной не откровенничают.

– И нападение на вас организовал какой-нибудь сторонник древнего исконного обращения с кредиторами?

Банкир вздохнул, глядя в тарелку, как будто мог узреть там не остатки жаркого, а некие дивные дива.

– Других возможностей я не вижу. Увы, я предоставлял займы многим знатным господам в Моветоне.

– А скажите, – Гверн, успевший поглотить порцию запеченного в сыре барашка, вернулся к разговору, – с чего это вас понесло на улицу темной ночью, да еще в дождь?

Его рыцарская прямота, нередко злившая меня, была иногда полезна.

– Я был в гостях у мэтра Трежоли, первого советника городского самоуправления. Сегодня... то есть уже вчера, он выдавал замуж дочь. Такие контакты очень важны для деловых людей.

– Стало быть, о том, что вы будет возвращаться поздно, знали многие?

– Я не делал из этого тайны. Но не думал, что кто-то из знатных господ интересуется такой мелочью, как праздники в среде горожан.

Его лицо, несколько расплывчатое, внезапно стало жестким. Деловой человек, злоупотребивший волк его заешь!

– Вот и отлично, – сказала я. – Постарайтесь разузнать, кто выспрашивал у ваших слуг о времени возвращения... А пока – не будем портить ужин. Лучше объясните, что это наемники так порскнули после одного выстрела? То вроде дрались насмерть, а то – и след простыл.

– Вот именно, – мрачно подхватил Гверн. – Это просто неприлично – так бежать с поля боя!

Финансист с усилием улыбнулся. Отпил вина – на сей раз это был белый орер.

– О, это местное суеверие. Я уже достаточно долго живу здесь, чтоб знать о нем. И признаюсь, мне самому стало не по себе, когда я увидел, откуда прилетела стрела... хотя для страха в тот момент у меня были более важные причины. Скажите, княгиня, вам известно, кого изображает статуя, за которой вы скрывались?

– Понятия не имею. Мы же только что прибыли в город.

– Это святая Инстанция, покровительница Моветона. Говорят, что в древние языческие времена этой провинцией правил крайне жестокий герцог. Инстанция же, приняв истинную веру, втайне от супруга навещала бедных, больных и убогих...

– Понятно. Муж ее застукал, спросил, что такое она утащила из его закромов, не полезный ли какой продукт, а она ответила: «Розы».

Есть ли какой-нибудь уголок в Ойойкумене, где бы не бытовала подобная легенда? Я слышала ее на берегах Радужного моря и возле угрюмого Пивного залива, в империи и Гран-Ботфорте. И всегда в этой истории, как бы ни звалась героиня, полезный продукт – чаще всего хлеб, – который потребовал предъявить разъяренный супруг, превращался в розы. Так рассказывали мне даже в глухой заволчанской деревушке, где розы вряд ли когда-нибудь видели. Однако моветонский вариант легенды имел довольно неожиданное завершение.

– И жестокий герцог сказал: «Ну, если врешь, разнесу я этот город по кирпичику!» На что праведница ответила: «Да розы, розы, хоть засыплюсь я ими!» На что злодей рек с кровожадным хохотом: «Если ты засыплешься розами, я застрелюсь из своего арбалета». И свершилось чудо! С неба посыпались розы в великом множестве – жители утверждают, что их был миллион, но я, как человек, имеющий дело с точными числами, вынужден назвать эту цифру совершенно неправдоподобной. Они засыпали святую Инстанцию с ног до головы, и святая умерла мученической смертью, задохнувшись чрезмерно сильным их ароматом. Супруг же ее, нарушив клятву, не застрелился, сославшись на то, что клятва была дана под давлением. Но вот однажды, через месяц после погребения святой, герцог задержался на охоте и лунной ночью возвращался домой. И свита его с ужасом узрела, как предстал перед ними грозный призрак и со словами «Так-то ты клятву держишь, мерзавец!» вырвал у гер-

цог из рук арбалет и выпустил стрелу ему в лоб. А благодарные жители города возвели на этом самом месте, которое нынче именуется площадью Алых Роз, памятник святой Инстанции и вызывают к ней в трудные минуты. Но говорят также, – Фердикрюгер понизил голос, – что в лунные ночи Инстанция сходит с пьедестала и расстреливает грешников.

– А почему в лунные? – поинтересовался Гверн.

– Не знаю, наверное, целиться удобнее...

– Что ж, будем считать удачей суеверие здешних *bravi* и вовремя проглянувшую луну.

– Полностью согласен с вами, княгиня. Но вы наверняка утомлены, а тут еще я со своим рассказом... Не хотите ли отдохнуть? А наши финансовые проблемы решим утром.

– Мы согласны.

– Да, вот еще что... как разыскать ваших слуг?

– Каких еще слуг?

– Тех, которые доставят ваш багаж.

– У нас нет ни слуг, ни багажа. Мы решили всем обзавестись на месте.

Если Фердикрюгер и был удивлен, то не подал виду.

Нас проводили в гостевые покои, и, поскольку ночь выдалась утомительная, а ужин плотным, мы сразу же улеглись спать. И я забыла рассказать Гверну о своих подозрениях, посетивших меня во время беседы с Финалгоном. Если сведения обо мне правление магического банка продало епископу Сомелье, как я и предполагала с самого начала, это неприятно, но терпимо. А ну как материалы были выкрадены из архивов МГБ? Вряд ли их сторожат с такой строгостью, как досье на действующих сотрудников.

Ну ладно. До утра не так много времени, надо провести его с пользой...

Утро было ясным, солнечным и не замедлило принести первую проблему. Для умывания нам подали изящный тазик из чеканного серебра, работы если не самого Футынута Вчинилли, то кого-то из его учеников. Но воды в нем было всего чуть, и она была замусорена розовыми лепестками. Когда я потребовала еще кувшин воды, служанка посмотрела на меня с ужасом.

А ведь отец Батискаф предупреждал, что с умыванием могут возникнуть сложности! Придется терпеть, в степях и пустынях и не такое терпели...

Завтрак нам подали в комнату, а когда я осведомилась, где господин Фердикрюгер, мне сообщили, что хозяин дома поднялся на рассвете и занят делами (вот молодец!). Нас же, когда мы насытимся, он ждет у себя в конторе.

Завтрак был по-имперски основателен и по-шерамурски изыскан.

– Знаешь, – сказал Гверн, разделяваясь с пирогом с голубыми и черникой, – я вчера кое-что забыл тебе сказать.

Неужели его посетили те же самые подозрения, что и меня?

Но Гверн имел в виду нечто совсем иное.

– Если епископ Сомелье действительно добьется дворянского звания для Фердикрюгера, начнется мятеж почище мятежа маршала Мордальона. Причем за оружие возьмется знать из лучших домов Шерамура.

– С чего ты взял?

– Я уже видел, как подобное едва не случилось. Когда я служил в шерамурской армии, король Мезанфан посвятил в рыцари – прямо на поле боя – одного воина, который во главе небольшого отряда захватил вражескую крепость, считавшуюся неприступной. Ну, горячка сражения, всеобщее воодушевление, забылся его величество. Так рыцари королевства пригрозили сбросить короля с трона, поскольку воин тот был сыном кузнеца. И они не могли терпеть, чтоб с ними уравнили низкого смерда, коего они по закону имеют право травить собаками и сечь плетью. Кузнеца. Простого кузнеца.

– И чем дело кончилось?

– Король оказался в затруднительном положении. Он не имел права делать того человека рыцарем. Но лишать рыцарского звания, если носитель его не совершил позорного поступка, тоже нельзя. Таков закон. Было назначено судебное разбирательство, но, прежде чем начался процесс, того рыцаря-кузнеца успели убить. Поскольку военные действия продолжали идти, а исконное рыцарство шерамурское было занято тяжбой с королем, и воевали только иностранцы, вроде меня, и простолюдины.

– Да, в империи с этим делом как-то проще.

– Понимаешь, при всем том никто не подвергал сомнению доблесть того воина. Но они все равно готовы были бунтовать. А дворянство – банкиру... это будет катастрофа.

– Неизвестно только, для кого. Возможно, здесь какая-то хитрость, которой мы не постигаем. Ладно, идем к хозяину.

Служанку сменил лакей, более представительный, чем сам Фердикрюгер. Он проводил нас по коридору, увешанному, за неимением родовых портретов, гобеленами с веселенькими сюжетами на темы классического романа мэтра Попиналя «Осада и взятие замка Любви с последующим разграблением».

Войдя в кабинет, Гверн незамедлительно чихнул. Мне удалось удержаться, ибо, странствуя по Ближнедальнему Востоку, я привыкла, что тамошние женщины употребляют сильные благовония. Но даже гаремные затворницы не лили на себя розовое масло в таких количествах, как дама, восседавшая в креслах у стола. Разодета она была по истинно шерамурской моде – вроде ткани на наряд ушло несметное количество, а ничего не скрывает. На руках она держала собачку, и собачкой этой никого нельзя было затравить, наоборот, она сама задрожала при нашем появлении, как только что съеденное мною желе. Дама была невысокого роста, в теле, с волосами такими черными, что явственно отливали синевой.

– Покорнейше прошу меня простить, – Фердикрюгер, стоявший у конторки, шагнул вперед и склонился перед нами, потом перед дамой. – Нынче утром, помимо гостей, меня почтила своим вниманием посетительница. Позвольте представить – князь и княгиня Кипежански, знатные путешественники из далекого Поволчья – маркиза де Каданс.

На ловца и объект бежит, подумала я.

– Ки-пе-жан-ски? – томно протянула дама, нехотя поворачиваясь в нашу сторону. – Это имперская фамилия или гонорийская?

– Ни та, ни другая, – честно ответил Гверн.

– Нашим владением является город Кипеж на великой реке Волк, – сказала я и добавила, обращаясь к трясущейся собачке: – Уси-пуси.

Дама мне сразу не понравилась. Хотя она была вполне миловидна. Ничего не поделаешь – она была слишком похожа на принцессу Ублиетту из Арктании, ныне Великую Хамку Столовых равнин, с которой у меня были связаны не самые лучшие воспоминания.

Фердикрюгер суетливо подвинул нам кресла. Я заметила, что он нервничает.

– Путешествуете, князь? – мадам де Каданс адресовалась к Гверну, игнорируя меня. – И давно вы прибыли в наши края?

– Только вчера, сударыня. И, поскольку я не знаю города, мы воспользовались приглашением господина Фердикрюгера и остановились у него. Впрочем, ненадолго. Надеюсь, любезный хозяин сообщит нам, какие здесь есть приличные гостиницы.

– Гостиницы, фи! – дама оттопырила губку. – Жить под одной крышей с презренными простолюдинами? Вы должны снять особняк. Если же вам не нравится жить в городе, милости прошу ко мне в гости, в замок Каданс.

– Я, право, не знаю...

– Ах, не стесняйтесь. Я – бедная вдова, веду очень скромную жизнь, не в силах забыть постигшую меня тяжкую утрату, каковую не могут возместить все блага земные. Кстати, милейший, где мои деньги? Я не собираюсь ждать до бесконечности.

– Сейчас принесут, ваша светлость. Только извольте поставить свою подпись вот здесь.

Мне показалось, что госпожа де Каданс сейчас топнет ножкой. Но, сидя в кресле, это делать неудобно.

– Какая мелочность! Неужели вам недостаточно моего честного слова?

– Увы, без расписки выдача займа невозможна.

– Вот видите, – маркиза снова обернулась к Гверну, – какие унижения приходится терпеть благородной даме в отсутствии защитников?

Из ее прекрасного левого глаза вытекла слезинка и тут же уползла назад, опасаясь испортить макияж.

Гверн пробормотал нечто невразумительное насчет своей полной неосведомленности в денежных делах. Он и в самом деле мало что в них смыслил и с успехом это обстоятельство использовал.

Маркиза де Каданс со вздохом спустила на пол собачку – та подбежала ко мне, виляя хвостом. Дама обмакнула перо в серебряную чернильницу и подписала расписку. Банкир шустро пригреб бумагу, позвонил в колокольчик и отдал распоряжения появившемуся слуге.

– Ко мне, Лотреамон! – вскричала дама глубоко обиженным голосом, увидев, что я глажу собачку. Песик покорно вернулся к хозяйке и снова был водружен на колени. – В любом случае, – продолжала она, – я надеюсь увидеть вас на большом балу, который дает герцог Такова-Селяви. Там соберется цвет моветонского дворянства. Кстати, мадам, – она, наконец, соизволила обратиться ко мне. – У вас платье оригинального фасона. Я такого никогда не видела... разве что на старинных картинах. Но я посоветовала бы вам сменить портного. Это платье совершенно не соответствует шерамурской моде.

– О, мы, принцессы, не следуем моде. Мы ее создаем.

– Принцессы?

– Да. Поволчанский титул княгини соответствует имперской принцессе. Или шерамурской герцогине. Между прочим, я позабыла, в каких титулах был ваш покойный благоверный?

Миловидное лицо маркизы пошло пятнами. Ее титул, пусть и высокий, был ниже моего, и, если строго следовать шерамурским традициям, она и сидеть не могла без разрешения в моем присутствии (разве что мы были бы в театре или храме), а уж назвав меня просто «мадам», она могла иметь крупные неприятности.

Неловкую ситуацию разрешил слуга, вернувшийся с небольшим, но увесистым мешочком. Банкир попросил маркизу пересчитать деньги, но та надменно отказалась, заявив, что подобные мелочи ее не занимают. Затем она, шурша парчами, поднялась с кресла и, бросив: «Полагаю вскоре вас увидеть», удалилась, обдав нас дурманящим запахом розового масла.

– Ваши светлости, – умоляюще сказал Фердикрюгер, – не сердитесь, я только провожу клиентку до носилок и вернусь.

– Ты нажила себе врага, – заметил Гверн, когда банкир, маркиза, левретка и лакей покинули комнату.

– Я играю по местным правилам, коль скоро мне их предлагают.

– А по-моему, это обычные женские дразги.

Фердикрюгер вернулся, снова извинился и сообщил:

– В одном маркиза безусловно права. Здесь уважающие себя люди не живут в гостиницах. Нынче утром я взял на себя смелость снять для вас особняк на улице Кота-Ворюги, а также озаботился наймом прислуги.

Я ощутила острую тоску. Похоже, вскоре от нашего аванса ничего не останется. А ведь хамоватая маркиза права не только в этом – следует обновить гардероб. Банкир, в силу своей профессии, явно умел читать мысли, касающиеся денег.

– Если вас беспокоит вопрос оплаты, то у меня есть указание предоставить вам кредит.

Это было уже лучше. Кстати, отец Батискаф советовал нам не обсуждать с Фердикрюгером иных вопросов, кроме финансовых. Ну вот, о денежных делах я его и спрошу.

– Господин Фердикрюгер, кто из представителей высшей знати Моветона является вашим клиентом?

– Да почти все. Но в разных смыслах.

– То есть?

– Не все занимают у меня деньги, как Вальмина де Каданс.

– Что, некоторые ссужают?

– Ни в коем случае. Но вот, к примеру, герцогская чета Такова-Селяви. Они нередко получают деньги из-за границы. В прежние варварские времена это был тяжелый и мучительный процесс. А теперь это делается цивилизованно, через банк.

– Из-за границы? Откуда? – весьма удачно, что банкир об этом помянул. Проследить направление финансовых потоков – и все загадки разрешатся сами собой.

– Госпожа, это банковская тайна.

– Но я же не требую назвать имена отправителей!

– Да я, по правде сказать, и сам не знаю...

– Тем более. Не думаю, что, назвав страны отправления, вы совершите преступление против профессиональной этики.

– Ну, хорошо. Из Второримской империи, из Кельтики...

– Второримская империя – понимаю. А Кельтика здесь при чем?

– Кельтика в свое время воевала с Шерамуром, – пояснил Гверн. – Семидесятидвухлетняя война – слышала?

– Так ведь это было давно... Впрочем, довольно об этом. Что вы можете еще рассказать о своих клиентах? Шевалье Дюшор, например, у вас деньги не занимал?

– Нет. Говорят, что прежде он был весь в долгах, но не так давно получил наследство. В Кабальерре. А вот граф Куткомбьен занимал, да. Впрочем, он вообще человек своеобразный...

– А фрейлина Монбизу?

– О, эта барышня заслуживает всяческих похвал. Деньги, полученные от его величества, она не растратила на платья и побрякушки, как поступают все женщины. Она вложила их в разные предприятия и поручила мне наблюдать за преумножением ее капитала. Такое разумное поведение – большая редкость в Шерамуре.

– И последнее. – Я все же не удержалась, чтоб не задать вопрос нефинансового характера. – Отчего умер супруг мадам де Каданс?

– Вообще-то в точности этого никто не знает. Вердикт гласил: «Покончил с собой в состоянии глубокой меланхолии».

– Это как?

– Маркиз исчез из собственного замка... ну, не то чтоб исчез, но его долго никто не видел. А потом его тело нашли на дне пруда Туртель. Он был так истощен, что его с трудом опознали... только по некоторым семейным особенностям анатомии.

– Действительно, страшное самоубийство. А теперь, господин Фердикрюгер, вернемся к теме жилья. И еще – когда узнаете от своих слуг, кто расспрашивал их о вашем вчерашнем возвращении, сообщите нам.

По большому счету, это нам следовало бы допросить слуг банкира. Но я подозревала, что в ближайшие дни нам будет не до этого. Кроме того, если покушение на Фердикрюгера имело отношение к заговору, то лишь косвенное. Ничего, сам проведет предварительную работу, при его профессии наблюдательность и цепкость необходимы..

– О чем ты думаешь? – спросил Гверн.

– О том, как мало у нас данных. И способны ли они принести хоть какую-то пользу.

– Ты о событиях прошлой ночи?

– И о них тоже. И еще у нас есть пресловутое «самоубийство» маркиза де Каданса. Странно, мадам из Гран-Ботфорте, они там больше по ядам специализируются.

– По-моему, ты напрасно цепляешься к этой даме. Я вообще считаю, что отец Батискаф вставил ее в свой список исключительно из вредности. Только потому, что она имеет какое-то отношение к ордену Святого Рогатуса. А интереса в том, чтобы свергнуть верховную власть в Шерамуре, у нее нет.

– Хорошо, что напомнил. Орден и еретики Края Света. Надо будет разведать, при чем тут они.

– Ясно. Не хочешь говорить о маркизе – не будем. Но учти: не я начал это разговор!

В который раз подивилась я капризам мужской логики.

– Лучше скажи мне – кто одержал победу в Семидесятидвухлетней войне?

Гверн взглянул на меня с удивлением, но ответил без запинки.

– В общем, никто. Все остались при своем. Но ты права – это было так давно...

– Да. Давно. А нам пора заняться делами насущными. Переездом.

Особняк на улице Кота-Ворюги принадлежал ранее барону дез Инсекту. Последний принял участие в мятеже маршала Мордальона и пал в битве у замка Балдино, которую мне в свое время пришлось наблюдать. Не участвовать, заметьте. Не имею обыкновения сражаться с призраками. Так или иначе, отель дез Инсект перешел в собственность короны и теперь сдавался внаем.

Штат прислуги, набранной Фердикрюгером, состоял из четырех человек: дворецкого, горничной, повара и конюха. А когда я посетовала на расточительность, банкир ответил, что хотя понимает мои чувства, но должен предупредить, что по шерамурским понятиям в доме титулованных особ Должно быть не менее семидесяти слуг, и нас в глазах местного света может оправдать лишь то, что мы здесь проездом. Кстати, дворецким в княжеском доме мог служить только дворянин, каковым и был представленный нам Сорти дю Баль, выходец и благородного, но разорившегося семейства, – статный представительный мужчина с про-никновенным лицом и трагически изломанными бровями. Если бы я была на месте заговорщиков и захотела заслать своего человека в дом подозрительных иностранцев, то именно такого бы и выбрала. Заподозрить его в чем-либо дурном было решительно невозможно.

Жена его, горожанка по происхождению, маленькая и подвижная, день-деньской крутилась по дому со щетками и метелками. Так что возможность подглядывать и подслушивать у нее была.

Повар и конюх представляли меньше опасности, ибо по роду своей деятельности были привязаны к кухне и конюшне, но их тоже не стоило сбрасывать со счетов. Я предупредила Гверна, что в доме нам следует говорить только по-поволчански.

Возможно, подобная подозрительность выглядит ненормальной для женщины, которая родилась и выросла во дворце, битком набитом слугами. Но мне довольно рано пришлось сменить дворец на камеру-одиночку в башне, и с тех пор я от слуг отвыкла. Более того, терпеть не могла, когда по дому шляют посторонние люди. Даже когда я вела относительно спокойный и оседлый образ жизни, то ограничивалась приходящей прислугой, а собственной кухне предпочитала гостиничную или харчевенную.

По счастью, мы с Гверном были избавлены от обычных забот, связанных с переездом, поскольку у нас почти не было вещей. И поговорка насчет равносильности пожара двум переездам тут не должна была оправдаться. Однако благородные дворяне Моветона явно решили это обстоятельство исправить.

Не успели мы расположиться в особняке, как торжественно предстал перед нами монументальный Сорти дю Баль и сообщил, что с визитом прибыли шевадьё дю Шор и мадемуазель де Монбижу.

– Ты думаешь, это случайно? – спросил меня Гверн.

– Не верю я в такие случайности. Но не прятаться же от них!

– Хорошо. – И Гверн повернулся к дворецкому: – Проси!

И нам явилась впечатляющая пара. Шевадьё ростом был невелик, собою изрядно обременен, с круглыми черными глазами. Еще из достопримечательностей внешности можно было отметить заливчато торчащие усы и бородку клинышком на кабальерский манер. И хотя я мало разбиралась в шерамурских и, паче того, в моветонских обычаях, можно было предположить, что цвет его лица считался слишком загорелым для благородного дворянина.

Мадемуазель, напротив, ростом была выше не только многих женщин, но и некоторых мужчин. Одета она была в соответствии с требованиями моды, объясняющими, почему в шерамурских домах такие широкие лестницы. Но при пышных юбках и роскошном бюсте талия бывшей фаворитки отличалась угрожающей тонкостью. Не знаю, числится ли у Благосыска ношение корсета в ряду самых изощренных пыток, но я бы внесла его в реестр. Видимо, бледность, заливавшая лицо мадемуазель Монбижу, достигалась истинным аристократизмом – или высоким качеством белил. У любой нормальной женщины лицо бы побагровело.

– День добрый! – возгласил шевадьё. – Говорят ли ваши сиятельства по-шерамурски?

– Безусловно, – Гверн выдвинулся вперед.

Я кивнула.

– Как же иначе! Шерамурский – язык высшего света, не так ли?

Мадемуазель просияла.

– О! Похоже, мы найдем общий язык – во всех смыслах.

Что ж, подумала я, фрейлина, может, и заговорщица, но воспитана лучше, чем недавняя собаковладелица.

Гверн снова перехватил инициативу.

– Прошу садиться, господа. Чему обязаны честью?

– Просто делаем визиты, как подобает светским людям. Услышал о вашем приезде, по пути встретил карету мадемуазель Монбижу и позвал ее с собой.

– Но ведь мы только вчера приехали – как вы успели узнать?

– И, однако, слухи уже разнеслись.

– И еще какие! – фрейлина так всплеснула руками, что я испугалась, не переломится ли она. – Впрочем, город полон слухов не только о вас. Болтают что-то о чудесном явлении святой Инстанции...

– Или о возвращении знаменитой разбойницы Анни-абалетчицы, – хохотнул шевадьё. – Что поделаешь, сейчас нет ни войны, ни мятежа – надо же как-то развлекаться!

– А как вообще развлекаются в Моветоне в мирное время? – рискнула спросить я.

– О, Моветон хоть и называется «садом Шерамура», все же уступает Парлеве, – вздохнула Монбижу. – Там истинная столица Ойойкумены по части развлечений. Но и мы можем кое-чем похвалиться. Балы, пиры, маскарады – все это устраивается здесь с наилучшим вкусом, какого не видавали и в Парлеве.

– А турниры? – полюбопытствовал Гверн.

– Это отошло в прошлое, – отвечал шевалье дю Шор. – Ныне они считаются пережитком мрачной эпохи Воздержания. А не утратить рыцарский дух нам позволяют поединки. Однако прелестная Монбижу забыла о главном, впрочем, даме это простительно. Охота, светлейший князь, – вот истинная жемчужина среди развлечений. Признаюсь, я страстный охотник. Собственно, потому я к вам и пришел. Говорят, Поволчанские леса кишат дичью.

– Кишат, – подтвердил Гверн. – А Заволчанские – тем более.

Сейчас Заволчанские леса кишели в основном еретиками, но я не стала вносить это уточнение.

– А какой? – жадно спросил шевалье. – Вы не поверите, князь, на какие меры приходится идти, чтобы сохранить в охотничьих угодьях Моветона хотя бы волков и кабанов. Уж мы всем благородным дворянством смердов вешали-вешали, чтоб не травили благородных хищников, а быдло все за свое – скотину мол, режут, огороды топчут...

– Нет, в тех краях, откуда мы прибыли, волков, скорее, избыток. Оленей, коими, как я слышал, славятся леса закатных стран, не водится. Зато есть лоси. Здоровые такие. И туры. И рыси. И медведи.

– Медведи! – восторженно воскликнул шевалье. – Завалить медведя – мечта всей моей жизни. К сожалению, в наших краях медведей перебили еще в правление короля Полипа Брюхоногого. А уж копытных, как в вашей стране, и вовсе не водилось. Я жажду услышать рассказ об охоте на копытного медведя. Не откажите в любезности, ваше сиятельство!

– Ну вот, пошли сугубо мужские разговоры, – разочарованно протянула Монбижу. – Как это скучно... Но не будем им мешать. Я, в свою очередь, хочу пригласить вас, княгиня, прокатиться в карете. У вас ведь нет кареты?

– Нет. Мы приехали верхом и не успели приобрести карету.

– И не приобретете, – с гордостью сообщила она. – В Мове-сюр-Опер больше ни у кого нет кареты, даже у герцогов Такова-Селяви. Только у меня. Но вы можете пользоваться моей каретой безвозмездно. Я как раз собиралась проехаться по лавкам – ювелирным, кружевным, парфюмерным и прочим.

– Да, мне тоже не помешало бы сделать покупки подобного рода... – ясно было, что нам с Гверном придется временно расстаться. Ничего, справится. Наверняка он про охоту знает больше меня.

Уходя из комнаты, я услышала, как Гверн раздумчиво начал:

– Медведь – крупное млекопитающее с короткой шерстью и толстыми ногами...

Успокоившись насчет супруга, я последовала за бывшей фавориткой. Карета и впрямь стояла у ворот.

– Подарок его величества, – гордо произнесла Монбижу.

– Впечатляет, – отозвалась я.

Если в Шерамуре делали такие кареты, неудивительно, что в провинциальном городе предпочитали обходиться без оных. Понятно, что в маленьком экипаже дамы в модных нарядах поместиться не могли. Так что, как и в случае с лестницей, размер имел значение. Но проехать эта колымага могла только по площади. Или по широким улицам. «Надеюсь, мадемуазель Монбижу, – подумала я, – следует по выверенному маршруту и мы нигде не застрянем».

Лакей помог нам подняться в средство передвижения, где поджидала горничная фрейлины.

– Бабетта, приготовь нюхательные соли для княгини, а то вдруг укачает, – распорядилась Монбижу.

И распоряжение это было не лишнее. В последний раз на четырех колесах я ездила в империи, в полицейском возке – к счастью, не в качестве заключенной. И трясло в нем значительно меньше, чем в роскошной шерамурской карете. То ли имперское каретострое-

ние шагнуло далеко вперед, то ли дороги в империи лучше. Конечно, в карете болтало не так, как при полете на ковре-самолете, но если бы я не укрепила желудок при морских переходах, нюхательные соли вполне могли бы понадобиться. Утонченной же фрейлине тряска была нипочем. Возможно, приглашение в карету служило испытанием. Но в случае со мной мадемуазель промахнулась. Однако я не видела, чтоб она была этим расстроена.

– Надеюсь, вы расскажете мне о светской жизни Моветона? – обратилась я к ней.

Она кивнула.

– Вы правильно сделали, что приехали сюда, а не в Парлеву. В последнее время столица утратила прежний блеск. А будет еще хуже.

Мне стало любопытно, заявит ли экс-фрейлина напрямую, что Парлева и королевский двор утратили прежний блеск с тех пор, как она переселилась в провинцию, однако Монбижу ограничилась намеком.

– Когда-то Моветон был не только садом, но и сердцем Шерамура. Государством в государстве. Лучшие люди Моветона стремятся возродить этот дух. О нет, Моветон не является глухой провинцией.

– Мне бы хотелось узнать побольше об этих лучших людях. Мы с мужем сами не местные и не имеем родственных связей ни в Шерамуре, ни в империи, ни в близлежащих странах.

Монбижу не успела ответить. Карету в очередной раз основательно потряхнуло, и лошади стали.

– В чем дело? – раздраженно спросила опальная фрейлина, и Бабетта услужливо отдернула занавески каретного окна.

– Дуэль! Дуэль! – зашебетали разом служанка и госпожа.

Я подвинулась к окну, чтоб тоже взглянуть. Сама я в подобных развлечениях участия не принимала, но вынуждена была признать, что оно приобретало все большую популярность. Особенно в таких странах, как Шерамур и Кабальерра, несмотря на то, что это развлечение, почитаемое здесь сугубо дворянским, было изобретением молодых купчиков из Гран-Ботфорте, которых, в силу их происхождения, не допускали на турниры. Впрочем, многие нововведения из Гран-Ботфорте считались особенно утонченными и – как это... гламурными. Дуэли проникли даже в империю, хотя там турниры еще не вышли из моды, и только в Поволжье еще держались за старую добрую «стенку на стенку».

Пара шевалье, которых мы увидели из окон кареты, дуэлировали, как требовал изысканный вкус, на шпагах и кинжалах. Камзолы они поснимали, широченные воротники отстегнули. Правда, штанишки, похожие на разноцветные подушки, и вязаные чулки оставались при них, вид у кавалеров был бы преотличный, если б на белом полотне рубаш не алели пятна крови. Похоже, благородные господа намерены были развлекаться всерьез.

Никто им не мешал и не пытался остановить кровопролитие. Хотя глазающих было немало.

Техника у дуэлянтов была приличная, хотя видывала я и получше. Собственно, дуэль нередко затевается для того, чтоб показать высокую технику, и не обязательно для убийства. Но эти нарядные господа в рубашках с кружевами, один – в полосатых штанишках, другой – в бордовых с серебряными звездами, намерены были убивать. Видно было, что оба устали, но собираются драться, пока не истекут кровью.

Мне это не нравилось.

Совсем не нравилось.

– Как сказал бы наш дорогой друг шевалье дю Шор, – промолвила Монбижу, – «и этого-то желает лишить нас министр Сомелье, требуя запретить дуэли. Ибо он – враг истинно рыцарского духа, ныне процветающего в Кабальерре».

– А что, министр действительно хочет запретить дуэли?

– Да. Он утверждает, что на дуэлях гибнет вдвое больше дворян, чем в войнах с маршалом Мордальоном и Кабальеррой, вместе взятыми.

Учитывая, что с Мордальоном сражалась не шерамурская, а имперская армия, министр, возможно, был прав.

– А вы что скажете?

Она помедлила с ответом. Ибо зрелище достигло кульминации. Полосатощтанный так резанул дагой по руке звездчатого, что тот выронил кинжал, а рука повисла плетью. Полосатый картинно отбросил дагу и послал воздушный поцелуй в сторону кареты. Больше он ничего сделать не успел, ибо звездчатый, воспользовавшись заминкой, вонзил шпагу ему в живот. После чего упал, обливаясь кровью, рядом с противником.

– Скажу, – ответила бывшая фрейлина, обмахнувшись веером, – что нам незачем брать пример с Кабальерры. У нас достаточно собственных славных традиций.

Эта женщина умнее, чем кажется, подумала я. И, возможно, опаснее, чем маркиза. Только что она хладнокровно сдала человека, с которым, кажется, в дружбе... или это проверка на предмет моих связей с Сомелье? Ничего, посмотрим.

Поверженных дуэлянтов унесли. Однако двое мужчин с решительным видом пререкались у монастырской стены.

– Секунданты, – пояснила Монбижу. – Но я думаю, ничего интересного нам уже не покажут. Если бы они собирались скрестить шпаги, по правилам им полагалось бы это сделать во время поединка, а не после.

– А вы разбираетесь в дуэльных правилах?

– А как же! В Парлеве каждая уважающая себя придворная дама обязана быть причиной множества дуэлей. Поневоле научишься разбираться. А некоторые дамы даже дуэлируют между собой. Правда, нам приходится проводить поединки, в отличие от мужчин, вдали от посторонних глаз. Ведь фехтовать приходится в одних рубашках. Корсеты и кринолины ужасно мешают.

– Не проще ли переодеться в штаны?

– А за штаны Благой Сыск и на костер может. Грех и полное неприличие.

– Так строго?

– Еще бы! Несколько лет назад собирався церковный собор, обсуждавший, является ли ношение дамами панталон в качестве нижнего белья посягательством на исконные привилегии мужского пола, извращением природы и установленного богами порядка, а следовательно, смертным грехом.

– И что?

– Дебатировали долго, двух богословов сожгли, трех заточили, но все-таки постановили, что не является. Но многие дамы все же перестали носить нижнее белье. Дабы их не обвинили в излишней греховности. И по возможности это демонстрируют... А, кстати, что мы стоим, чего ждем?

И впрямь – зрители, не дождавшись продолжения дуэли, начали расходиться, и путь снова был свободен. Карета тронулась с места.

– Так на чем мы остановились?

– Вы начали мне рассказывать о цвете моветонского дворянства.

– А вы с кем-то уже познакомились?

– Только с маркизой де Каданс.

– Уроженка Гран-Ботфорте. Этим все сказано.

Мне приходилось бывать в Гран-Ботфорте и встречать много тамошних уроженков. Но я поостереглась бы делать Далеко идущие выводы. Однако распространяться перед Монбижу об этом я не стала.

– Покойный муж маркизы принадлежал к младшей ветви одного из старейших семейств в Шерамуре. Де Градансы возводят свой род к Стрингам, а те, как известно, старше Капутов, предков правящей династии. Однако де Кадансы, как упомянуто, ветвь младшая, а теперь уже и пресекающаяся. В любом случае, маркиз не женился бы на женщине с низкой родословной, так что слухи о родстве дорогой Вальмины с владетельными Папарацци можно считать правдивыми. Однако со времени ее приезда в Моветон заграничные родственники ни разу не навестили ее. Они не прибыли даже на похороны маркиза.

– И что из этого следует? – она прикидывается дурочкой, так я тоже это умею.

– Из этого следует, дорогая княгиня, что в нашем жестоком мире женщине не выжить без сильного покровителя. Или покровителей. Но вот кто покровительствует дорогой Вальмине, не знает никто. У нее нет никаких связей с королевским двором – уж я бы знала. Сомнительно также, чтоб ей оказывали поддержку герцог и герцогиня Такова-Селяви, самые могущественные сеньоры Моветона. И в то же время маркиза ведет себя так, будто за ней стоит какая-то реальная сила. Какая – окружающие предпочитают не углубляться. Возможно, покойный муж маркизы углубился... чрезмерно.

Я сделала вид, что не поняла намека.

– Вы упомянули чету Такова-Селяви. Я много слышала о них, но еще не имела возможности встретиться.

– Похоже, такая возможность скоро представится. Если кто-то ищет покровителей, то герцог и герцогиня ищут союзников. Как в Шерамуре, так и за пределами его.

– Наше княжество находится слишком далеко от границ Шерамура, чтоб представлять интерес для моветонских сеньоров.

– О, вы не представляете, сколь далеко простираются политические интересы господ Такова! Да, смотрите, мы почти прибыли!

Карета с грохотом выехала на набережную реки Орер, где, как выяснилось, располагались самые фешенебельные лавки и торговые галереи.

Если бы я прибыла сюда с другой целью, меня бы больше заинтересовала река. Она была судоходна, соединяла город с морем, что приносило Моветону несомненные выгоды с точки зрения развития торговли. Не зря Фердикрюгер здесь обосновался. Однако река же делала Мове-сюр-Орер уязвимым. Тот, кто сумел бы форсировать Орер, овладел бы и городом.

Но сейчас мне было не до построения стратагем. Я уже поняла, что отец Батискаф со своими советами был прав, и предоставила мадемуазель Монбижу быть моей проводницей в мире роскоши и высокой моды. Она этому ничуть не удивилась. Шерамурцы всех иностранцев (кроме, разве что, уроженцев Гран-Ботфорте), какое бы высокое положение те ни занимали, полагают дикарями по части моды, нарядов, украшений и хороших манер.

Последующие часы стали для меня непрерывным кошмаром. Мы посетили все модные лавки, торговцев тканями, обувщиков, парфюмеров, ювелиров, шляпников и перчаточников. Прилавки с веерами, кружевами, зеркалами, шальями, чулками и гребнями сливались в неразличимый ряд. И еще говорят, что в Парлеве выбор несравненно больше! Какое счастье, что нас не послали в Парлеву!

Но все-таки я не совсем одурела, и почти не покупала готовых товаров (кроме обуви и перчаток). Особенно после того, как в модных лавках нам продемонстрировали на манекенах наряды новейших фасонов. Нет, уж если я выбрала линию, то и буду ее гнуть.

Ни я, ни Монбижу не расплачивались наличными. Чеки на банк Фердикрюгера принимали везде. Так что аванс оставался пока в неприкосновенности, и это было единственное обстоятельство, придававшее мне силы. После окончания сеанса покупок я чувствовала себя измотанной, как после долгого сражения, а Монбижу по-прежнему была свежа и бодра. А ведь покупки надо было еще доставить! Карета, такая вместительная, пришлась как нельзя

более кстати, и приказчики неустанно носили туда сверток за свертком. У владельца модной лавки я узнала имя портного, которого оный владелец клятвенно пообещал прислать в наш особняк. После чего, не чуя под собой ног, я погрузилась в карету. Ядрена Вошь! И это у здешних женщин считается развлечением? Я бы предпочла охоту на медведя. Даже копытного.

Но напрасно я полагала, что с местными развлечениями на этот день покончено, и столь же напрасно радовалась наличию кареты. На обратном пути нам снова пришлось стоять в пробке. На сей раз уличному движению помешала не дуэль, а некая процессия.

– А вот это развлечение мы совершенно напрасно позаимствовали у Парлевы, – поджимая губы, сказала Монбижу. – Тем более что в Парлеве оно считается почти таким же устаревшим, как турниры.

По улице двигался строй людей, облаченных в длинные ночные рубашки с кружевами, рюшечками, оборочками и затейливой вышивкой, притом босых. Особая пикантность состояла в том, что все это были мужчины. И все они охаживали себя плетками по бокам и по спине, при этом распевая что-то нудное и протяжное. Если кто-нибудь чрезмерно увлекался пением в ущерб побиванию, соседи дружно обрушивали удары на его плечи.

– Братство грешных кающихся, – прокомментировала Монбижу. – Как нагрешат, так и каются. Причем каяться принято именно в том виде, в каком грешили.

– Ну, вообще-то ничего особенного я в этом не вижу, – осторожно заметила я. И это было еще мягко сформулировано. На Ближневосточном Востоке мне приходилось наблюдать сцены гораздо круче, например, на празднике «окосей-закосей».

– Еще бы! – фыркнула Монбижу. – Но при прошлом правлении это считалось верхом хорошего вкуса. Тон в этом увлечении задавал покойный брат Куткомбьен. Сейчас в столице все это отошло в прошлое. Но Куткомбьен-младший стремится возродить былые обычаи. А кстати, вот и он!

– Который?

– Вот, смотрите, подгоняет остальных, хлещет направо и налево, и прорывается вперед – живчик эдакий!

Я вспомнила, что рассказывал отец Батискаф о брате покойного фаворита, и несколько удивилась. Очередного фигуранта я представляла себе более... экстравагантным, что ли. Хотя, если мужчина, расхаживающий по городу в батистовой рубашечке с рюшечками, не кажется мне излишне экстравагантным, похоже, я уже достаточно прониклась шерамурским духом.

Мужчина то был весьма молодой, даже можно сказать, юноша с пухлыми розовыми щечками, ухоженными усиками и пламенно горящими глазками. И себя, и других он наставлял с одинаковым увлечением.

– Однако у него немало последователей, – произнесла я.

– О, да, – развивать эту тему Монбижу не стала. Учítывая, как охотно она сдавала предшествующих персонажей, это наводило на определенные мысли. И, какими бы комичными ни казались притязания графа на престол, очевидно, на что-то он опирался.

Я постаралась перейти на нейтральную почву.

– Как посмотрю, жители Моветона весьма благочестивы.

– Этого у нас не отнимешь, – отозвалась она. – И не только Моветона – всего Шерамура. Правда... – она сделала паузу, и я предположила, что сейчас Монбижу коснется новой ереси, о которой нас предупреждали. И ошиблась. – В последнее время в Парлеве новые веяния. Под покровительством премьер-министра собираются алхимики, алфизики, геоманты и прочие математики. И король закрывает на все это глаза.

Отец Батискаф ни о чем подобном не рассказывал. С другой стороны, доктор Халигали нашел же приют в университете Парлевы, и вполне неплохо там себя чувствовал. И не он

один, надо полагать. Так что все поведенное могло быть правдой. Однако добрый доктор говорил, что он не маг, а ученый, и лишь пользуется магическими артефактами в сугубо прикладных целях. А геомантами и математиками в разных странах именуют колдунов. И, учитывая некоторые замечания квадратиства...

– А еще мне говорили, будто в Шерамуре магия искореняется... и уже искоренена.

– Это скорее в Кабальерре, где между магией и колдовством не делают разницы. А у нас нынче утверждают, что высокая магия – это, мол, наука, и к низменному колдовству отношения не имеет. Подробностей не знаю, я не теолог.

Процессия бичующихся освободила проезд, и мы сумели скова тронуться дальше. То есть двинуться.

Монбижу явно не хотела развивать тему, а я не стала давить. И так для первого выезда в город было получено достаточно впечатлений.

Другое дело, что впечатления не заменяют сведений.

Но карета вновь прикатила к отелю дез Инсект, и, сердечно попрощавшись с мадемуазель Монбижу, я вернулась к месту своего пребывания. Охотолюбивый шевалье уже покинул дом, и, проследив, что покупки доставили, я, наконец, смогла поужинать. Это хождения по лавкам пробуждает зверский аппетит! По счастью, от наличия в доме слуг была хоть какая-то польза. Ужин не надо было заказывать, он меня ждал. И, сметая со стола все подряд, я рассказала Гверну о том, что видела.

Как и следовало ожидать, больше всего его заинтересовала дуэль.

– Вот увидишь, они здесь не так уж гонятся за формальностями! Чувствую, что без поединков не обойдется.

– А что, шевалье дю Шор уже вызвал тебя на дуэль?

– Нет, только на охоту на кабанов. Тебя, извини, не звал. Здесь дамы только с соколами охотятся.

– Да, соколы – это всяко эстетичнее кабанов. Но мне сейчас и соколы ни к чему. Поезжай, посмотри, – про себя я подумала, что если уж отправлять супруга в чисто мужскую компанию, то эта будет несомненно лучше, чем компания графа Куткомбьена.

Словно уловив мои мысли, Гверн спросил:

– А кто поддерживает этого маниакального графа в его устремлениях?

– Монбижу не сказала.

– Не знает или скрывает?

– Возможно, и то и другое. Но, заметь себе, она не назвала и своего покровителя.

– И кто, по-твоему, это может быть?

– Вполне допускаю – не «кто», а «что».

– В каком смысле?

– В денежном. Фердикрюгср расхваливал исключительные финансовые таланты этой дамы. А уж он в этих делах понимает.

– Но ты утверждала, что финансовые круги заинтересованы в сохранении стабильности в Шерамуре. А мадемуазель Монбижу, если верить отцу Батискафу, добивается прямо противоположного.

– В этом и состоит разница между политиками и финансистами. А Монбижу, что ни говори, политик, хотя и в юбке, и даже в кринолине. Финансисты служат деньгам. Политики заставляют деньги служить себе. Но, в любом случае, Монбижу, каким бы финансовым подспорьем она не обладала, нужны союзники. Герцоги Такова-Селяви на эту роль подходят лучше всего.

– И они единственные, кто пока не объявлялся.

– Думаю, лично и не объявятся. А вот последует ли приглашение в замок – посмотрим.

– Итак, – сказал Гверн, – почти все фигуры на доске. Можно сказать, Большая Игра началась.

– Какая там Большая Игра! Так, возня в песочнице...

Если первый день был отмечен для меня напряженной светской жизнью, то второй дал в этом отношении передохнуть. Но только в этом отношении. Портной и модистки таки явились. А Гверн уехал травить ни в чем не повинных кабанов, и не мог оказать мне никакой поддержки. Пришлось призвать на помощь крошку Сорта. Она все же была уроженкой Мове-сюр-Орер и могла судить, кто есть настоящий портной, а кто самозванец.

С меня сняли мерки, и я потребовала от мастеров иголки, нитки и ножниц, чтоб платья шили в соответствии с моими требованиями, а не требованиями моды. Если же мои указания не будут выполнены, сказала я, то мы с мужем спалим все модные лавки в Мове-сюр-Орер, а модисток повесим на городских воротах. Мы, знаете ли, северные варвары, у нас так принято.

Модисток и портного сменила цветочница, или, по-здешнему, флористка, которая тут же принялась посвящать меня в тонкости языка цветов.

– Вот розмарин, это для воспоминаний. А вот троицын цвет, это для дум. Вот укроп для вас, и рута для вас, ее зовут травой благодати. О, вы должны носить вашу руту с отличием!

– Мне бы чего-нибудь попроще. Фиалочки, например...

– Я бы дала вам фиалок, но они все увяли, когда умер мой отец.

– Что ж, дамсель, в наши дни люди умирают быстрее, чем вянут цветы у них на шляпах.

Флористка, похоже, готова была продолжать до бесконечности, но крошка Сорти вспомнила о своем предназначении. Она выпроводила цветочницу ненавязчиво, но твердо. Даже не прибегая к помощи метлы. Потом вернулась ко мне.

– Госпожа княгиня – приезжая, и многого не знает... – она сделала многозначительную паузу.

– Эта девица замешана в чем-то дурном?

– Возможно, ни в чем. Но вот цветы... это может быть опасно.

– Я довольно плохо разбираюсь в цветах, да и в травах ненамного лучше. Но, сдается мне, эти цветы не ядовиты, к тому же укроп повсеместно употребляется в пищу.

– Оно верно, госпожа княгиня. Да только некоторые не любят, когда женщины травами-цветочками занимаются. Говорят, что это чародейство и волшебство.

Я притворилась, что не понимаю.

– Это кто ж такие подозрительные?

– Монахи из ордена Святого Рогатуса.

– Что-то я про это слышала. Благой Сыск, верно?

– Да, госпожа княгиня. И хоть вряд ли они иностранную принцессу в таких делах заподозрят, лучше все же побережесь и всяких травниц и знахарок гнать подальше.

– Но ведь орден Святого Рогатуса борется с ересями. А колдовство в Шерамуре искоренили. Осталась только высокая магия, властями разрешенная. Так мне говорили.

– Я, госпожа моя, женщина убогая, простая. Тонкостей не понимаю. Но слышала я – как ни искореняли это дело, как ни гнали добрый народ из городов и деревень, а все же кто-то по городам и закоулкам остался. Эльфы и корриганы, конечно, ушли, а венефики разные да пифониссы по закоулкам прячутся. Нужно только уметь искать. Вот рогатусы их и ищут.

Слова, которыми крошка Сорти поименовала зельеварок и гадалок, я слышала в Гран-Ботфорте, а также читала в книгах, ибо во времена прежних миссий мне приходилось почи- тывать специальную литературу по колдовству и некромантии. Там попадались и другие термины, вроде помянутых «геомантов», но я их подзабыла. Все же колдовство – не моя стезя.

Однако, выходит, отец Батискаф приврал насчет полного искоренения нечистой силы в шерамурских городах. А может, и не врал сознательно, просто был неверно информирован...

– Ну, демоны с ними, с цветочками. Надеюсь, покрой платьев эти монахи не устанавливают? – уже задав вопрос, я с опозданием вспомнила рассказ Монбижу о дебатах насчет нижнего белья.

Сорти лукаво покачала головой.

– Они пытаются. Но у них ничего не выходит. Тут весь Шерамур восстанет, с королем во главе. Иначе весь гламур пропадет.

– Который раз слышу это слово. Что оно значит?

– Роскошь, блеск, красоту... а еще, – шепотом добавила она, – раньше так называли чары.

Вот только этого мне не хватало. Но свое неудовольствие я высказывать не стала, и мы вернулись к обсуждению меню обеда и ужина. Для меня это материи более захватывающие, чем связанные с тряпками.

Однако обедать пришлось одной. И я не была уверена что Гверн вернется к ужину. Не зайцев, небось, травить поехали. То есть, с кабаном, вполне возможно, покончили быстро – для чего у благородных дворян всякие егеря с доезжачими имеются? А вот как уморят они хряка, тут егерей сменят кравчие с поварами, и начнется пир горой на зеленой лужайке с пением задорных охотничьих песен. Не думаю, чтоб в этом отношении Поволчье сильно отличалось от империи, а империя от Шерамура. Вот одна из причин, по которой я не люблю охоту. Не получаю я удовольствия от поедания недожаренного мяса, жесткого, как подметка, в сопровождении пьяного хора и комаров, пьющих кровь хуже всяких вампиров.

Так что я была морально готова, что Гверн задержится на охоте, а точнее, на пирушке, до утра. Но я забыла, что расстояния здесь поменьше, чем в Поволчье и даже Гонории, а леса пожиже. Поэтому Гверн обернулся к вечеру. И даже не был пьян. То есть совсем трезв он тоже не был, но чтоб напоить человека, отслужившего в шерамурской армии, а также побывавшего странствующим рыцарем, нужно кое-что покрепче легких шерамурских вин. Аквавита, например. Или ратафия.

– Быстро вы управились.

– Возникли непредвиденные обстоятельства.

– Что, кабана не нашли?

– Совсем даже наоборот.

– Что значит «наоборот»? Он вас нашел?

– Примерно так. Сейчас я все расскажу, только... у нас поесть не найдется?

Я вытаращила глаза. Похоже, я ошибалась насчет охотничьих традиций шерамурцев. Кликнувши крошку Сорти, я приказала подавать на стол.

– Только, не обессудь, все остыло. Я думала, вы в лесу пировать будете.

– Ничего, я твою стряпню ел, и то не жаловался (это он врал – то есть что не жаловался, врал, а не то, что ел). А пиршество там действительно намечалось. Но не задалось оно...

Утолив голод, Гверн приступил к отчету.

– Оказалось, что я – не единственный гость, которого шевалье дю Шор пригласил на охоту. Он позвал кое-кого из окрестных дворян.

– Надеюсь, графа Куткомбьена там не было?

– Не было. Зато был кое-кто поважнее. Изволил прибыть герцог Такова-Селяви.

– Без супруги?

– Да. Ты же по себе знаешь – на кабанью травлю дам не приглашают. Впрочем, неприятностей хватило и без дам...

Я оставила колкость без внимания.

– Егеря подняли в охотничьих угодьях семейство кабанов. Но настоящих охотников, чтоб ты знала, молодежь не интересуется. Убить секача – вот что считается истинной доблестью. Хотя, по правде, свиньи бывают не менее опасны.

– Да кто бы спорил...

– Итак, охотники были верхами, вооружены по большей части дротиками. Я такого не имел, предпочитаю боевое копье, но с ним на охоте делать нечего. Шевалье дю Шор возглавлял кавалькаду, а герцог Такова-Селяви несколько отстал. Внезапно из чащи с треском вывалился огромный кабан – и вовсе не с той стороны, откуда загонщики гнали дичь. Клянусь тебе, я даже и не подозревал, что в Шерамуре встречаются кабаны, не уступающие величиной заволчанским или злопущенским.

– Ну, а тому, на кого бросилась эта скотина, она и вовсе показалась величиной с дом.

– А бросилась она, то есть он, на герцога Такова-Селяви. Герцог, надо сказать, не растерялся, а пустил в ход свой дротик, но тот оказался слаб... ну что ты ухмыляешься? Я ничего такого в виду не имел! У секачей шкура крайне плотная, защищена щетиной не хуже иных доспехов. Так что герцог лишь ранил кабана, отчего тот еще больше разъярился. Шевалье дю Шор, находившийся довольно далеко, извлек арбалет и выстрелил, но...

– ...промахнулся и попал в герцогова коня.

– А ты откуда знаешь? – ошеломленно спросил Гверн.

– Вывод напрашивается. В учебнике «Организация несчастных случаев на охоте» это классический пример. Однако, как я понимаю, герцог не погиб. Иначе ты не стал бы тянуть с этим известием.

– Угадала. Конь рухнул, придавив собою всадника. И кабан явно был намерен расправиться с герцогом. Но я успел раньше. Расправиться с кабаном, – поспешил уточнить он.

– У тебя же не было копья.

– Зато меч всегда при мне. И это было весьма кстати. Полагаю, кинжал шкуру кабана не пробил бы. Местные шевалье были несколько шокированы таким нарушением охотничьего этикета, но я объяснил, что охота на кабана с мечом – исконно поволчанская традиция.

– Молодец. Выходит, ты спас жизнь герцогу?

– Так получилось... Герцога извлекли из-под коня. Он оказался не ранен, только слегка помят. О продолжении охоты не было и речи. Как только слуги привели герцога в порядок, он обрушился на шевалье дю Шора с обвинениями, будто бы он нарочно убил его коня. Что все было подстроено Кабальеррой, которая и заплатила шевалье за устранение герцога Такова-Селяви. Но шевалье тоже за словом в портмоне не полез. Он отвечал, что обвинять дворянина в том, будто он что-то делает за плату, – худшее из оскорблений. И что если бы ему действительно вздумалось убить имперского резидента, он сделал бы это не в присутствии толпы свидетелей.

– Интересное замечание.

– Несколько остыв, шевалье дю Шор поклялся, что не злоумышлял на жизнь герцога. Уверял, что промах его объясняется чрезвычайным удивлением. Подобного кабана не было среди тех, кого охотники собирались затравить. Вызванные на допрос егеря и слуги клятвенно утверждали, что не видывали подобного кабана в охотничьих угодьях замка дю Шор. Все сошлись на том, что кабан мог быть приманен злыми чарами. После чего шевалье и герцог выпили мировую, герцог выпил со мной за спасение его жизни, шевалье выпил со мной за спасение его доброго имени. Но пиршества увы, не получилось. Поскольку оставалось подозрение, что кабан был связан с нечистой силой, есть его никто не рискнул. Даже собакам не дали. Пришлось ограничиться легкой закуской.

– Теперь ясно, почему ты голодный. Легкая закуска для компании здоровых мужчин на свежем воздухе...

– Верно, издевательство какое-то. Поэтому охота закончилась раньше, чем предполагалось. Но слушай дальше. При прощании герцог был исключительно любезен. Расспрашивал о политической ситуации в Поволжье. Похоже, он осведомлен, хотя и в самых общих чертах, что там сейчас смута. Слава богам, мы действительно прибыли из Поволжья, и я могу говорить о тамошних событиях, не прибегая к выдумкам.

– Надеюсь, ты не наговорил лишнего?

– Ты меня что, совсем за простачка держишь?

Иногда я с этим была согласна. Но предпочла не развивать эту тему.

– В любом случае, ты плодотворнее провел сегодня время, чем я.

– Не стану спорить. Кстати, герцог пригласил нас к себе в гости.

– Нас?

– Да, на сей раз нас обоих. Сказал, что его супруга будет рада познакомиться с моей.

А у них как раз намечается большой бал.

– Ну, хоть не зря я сегодня мучалась...

И с чувством глубокого удовлетворения я разлила по кубкам золотистый «тур-де-форс». Мы чокнулись, после чего я в задумчивости произнесла:

– А может, он и не врал...

– Кто?

– Шевалье дю Шор. Насчет того, что кабан был наслан колдовством. Кабан, знаешь ли, в некоторых поверьях есть вестник смерти...

– Ну, знаешь ли! Нас же отец Батискаф предупреждал насчет состояния дел с колдовством в Шерамуре.

– А вот и знаю. Я сегодня не только о тряпках разговоры вела. – И я пересказала ему беседу с женой дворецкого.

Гверн отнесся к этому скептически – как к любым женским пересудам.

– Кроме того, – сказала я, – кабан считается одним из воплощений Края Окончательного и Неминуемого.

Это заставило Гверна задуматься.

– Ты намекаешь на ту еретическую секту, о которой говорил монах?

– Просто перебираю возможные версии... ты говорил, что кабана даже собакам в пищу не отдали. А что сделали с тушей?

– Посоветовавшись, охотники решили ее сжечь.

– Замечательно! Следовательно, магическое обследование туши провести невозможно.

И если среди собравшихся был организатор покушения, то он может торжествовать – улика уничтожена. Ядрена Вошь! Заметь – ты сегодня получил подтверждения подозрений отца Батискафа. Дю Шор и Такова-Селяви взаимно обвинили друг друга в действиях в пользу Кабальерры и империи соответственно. Но доказательств-то нет!

– Я свидетель тому, что это было сказано. И еще дюжина дворян.

– Сомневаюсь, что эти мелкие дворянчики подтвердят твои показания. Стало быть, твое слово – против слова шевалье и герцога. А они скажут: мало что говорится в запальчивости, да еще на охоте! – увидев, что Гверн огорчился, я поспешила добавить: – Но все равно, несомненную удачу мы можем добавить в твой актив. Тебе удалось подружиться с герцогом, не вызывая его на дуэль.

– Слышу речи бывшего банковского работника, – проворчал Гверн, приободрившись.

Поскольку время было уже позднее, больше мы о делах в тот вечер не говорили. А ведь если мои подозрения не были беспочвенны, это было уже второе покушение, которое мы предотвратили после прибытия в Моветон. Правда, выяснить, кто стоял за покушением на банкира, мы предоставили ему самому.

И Фердикрюгер, как выяснилось, даром времени не терял.

Он посетил нас на следующий день, и вовсе не для того, чтоб выяснить, на что мы тратим его деньги.

– До меня дошли слухи, светлейший князь, что вы спасли жизнь светлейшему герцогу, – заявил он.

– Вот как?

– Некоторые из гостей шевалье дю Шора являются моими клиентами... и, даже если б это было не так, в городе много говорят о сем славном событии. Вы становитесь популярны, господа мои.

– Надеюсь, явление святой Инстанции с нами не связывают? – с опаской спросила я. Шпионить при слишком большой популярности было бы затруднительно.

Фердикрюгер, кажется, правильно нас понял.

– Пока нет. Бежавшие преступники не знали, кто вы, а за молчание своих слуг я отвечаю.

– Не так уж они молчаливы, как показало покушение на вас...

Он вздохнул.

– Вот об этом я и пришел побеседовать. О той злополучной ночи... то есть она была бы злополучной, если б вовремя не появились вы. Милостивая княгиня! Вы посоветовали мне допросить слуг на предмет того, кто выспрашивал о времени моего возвращения.

– Ну да, поскольку нам не удалось захватить пленных, а мертвые молчат.

– Ну, в Парлеве есть такие некроманты, которые за приличную плату могут разговорить любого мертвеца. Но здесь – провинция. Пришлось работать с живыми. Признаюсь, это было утомительно. Однако сравнение показало, что этим занимался Кор де Балет – один из лакеев герцога Такова-Селяви.

– Вот это да! – воскликнул Гверн.

– Вы уверены? – спросила я. – Насколько я помню, вы говорили, что герцог не является вашим должником.

– То-то и оно! – несмотря на профессиональную сдержанность, банкир был взволнован. – Если б это оказался кто-то другой, я бы не удивился. Но ни с его светлостью, ни с ее светлостью у меня никогда не было финансовых проблем.

– А нет возможности, что это Кор де Балет работал на кого-то другого?

– Исключено. Люди герцога известны преданностью своему господину. Если б кто-то из них рискнул без его ведома исполнить чужое поручение, он бы долго не прожил.

– Любопытно... – пробормотал Гверн. – Значит, герцог – опасный человек?

– Несомненно. Опасный и коварный. А вы, князь, спасли ему жизнь, и я не знаю, к добру это или к худу.

Гверн оскорбился.

– Я обязан был вмешаться, когда ему угрожала смертельная опасность. Так же, как откликнулся на ваш призыв о помощи.

Я подумала: услышь это герцог, он пришел бы в ярость, что его поставили в один ряд с банкиром. Банкир же продолжал:

– Мой долг – предупредить вас. Я знаю, что в замке Тур-де-Форс вскорости будет праздник. И вас наверняка пригласят.

– Уже пригласили.

– Тем более. Я умоляю вас, великодушные господа, будьте настороже! Ибо вовсе не обязательно причинить вред герцогу, чтобы стать его врагом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.